

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

Костюк Алиса Анатольевна

**ОТЧУЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

диссертация

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Бубнов Ю. А.

Воронеж 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Теоретико-методологический анализ феномена отчуждения	
§1. Феномен отчуждения в историко-философской ретроспективе.....	14
§2. Отчуждение как структурирующий элемент социальности.....	32
§3. Интегральная целостность феномена отчуждения.....	47
ГЛАВА 2. Отчуждение в структуре творческой деятельности	
§1. Структура творческой деятельности.....	62
§2. Отчуждение и творчество в современном социуме.....	78
§3. Творческий процесс в условиях информационного общества.....	91
§4. Креативность как современная форма отчужденного творчества.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	129

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

Отчуждение как социальный феномен является одним из структурирующих элементов социальных процессов и отношений. Будучи неотъемлемым атрибутом человеческого существования в поле социального, феномен отчуждения требует философского осмысления и выработки целостного подхода к исследованию механизмов его функционирования. Подобное исследование особенно актуально в отношении современного этапа общественного развития, с наступлением которого отчуждение проявляет себя в качестве перманентного процесса, который оказывает влияние на деятельность человека, трансформируя ее, и придавая ей новую форму.

Актуальность данной темы также обусловлена тем, что в современном мире отчуждение принимает множество различных форм, каждая из которых является объектом отдельного исследования, что приводит к необходимости целостного осмысления данного феномена. Так, наряду с отчуждением в экономической сфере, получившем развитие в философии К. Маркса, сегодня исследователи выделяют нравственное, религиозное, правовое и другие виды отчуждения. В связи с этим возникает необходимость концептуализации основных тенденций в трактовке отчуждения, а также исследования влияния данной категории на жизнь человека в структуре социальных отношений безотносительно к той или иной сфере общественного бытия.

Исследовать процесс отчуждения в его целостности и тотальности позволяет обращение к творческой деятельности и к творчеству как особому способу бытия человека. Наиболее перспективным, в связи с этим, становится изучение соотношения категорий отчуждение и творчество в современном обществе, которое позволит проблематизировать отчуждение творчества как структурообразующего компонента социальности. Творческая деятельность, в

данном случае, выступает в качестве уникального процесса, в котором наиболее наглядно проявляет себя отчуждение.

Степень разработанности проблемы.

Отчуждение может быть названо неизменным атрибутом человеческого бытия. Данный феномен, в той или иной мере, подвергался философскому осмыслению в каждую эпоху. Истоки исследования феномена отчуждения заложены в античной философской традиции. Проблема общественной изоляции человека, символизирующая отчуждение, находит отражение уже в философии Платона и Аристотеля. Кроме того, в эллинистическую эпоху возникает интуиция отчуждения как внутреннего состояния человека.

Однако свое концептуальное оформление феномен отчуждения получает лишь в эпоху Нового времени и Просвещения. Так, Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо обращаются к понятию отчуждения в связи с описанием передачи прав отдельного индивида государству. Анализируя философские концепции отчуждения, появившиеся в XIX веке, мы можем говорить о формировании категории отчуждения, которая получила развитие в философии Г. Ф. В. Гегеля и К. Маркса. К. Маркс представил наиболее разработанную на тот момент концепцию отчуждения – отчуждения труда в производственной деятельности.

В XX веке проблема отчуждения стала предметом философских исследований неомарксистов. Представители Франкфуртской школы – Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм – акцентировали внимание на социальной природе отчуждения, исследуя данный феномен сквозь призму положения человека в мире.

Также данная проблематика развивается в русле экзистенциализма Ж.-П. Сартром¹, А. Камю², М. Хайдеггером³ – отчуждение предстает в виде

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.

² Камю А. Творчество и свобода /А. Камю. – М.: Радуга, 1990. – 608 с.

некоего субъективного состояния, с одной стороны, и социального процесса, приводящего к противостоянию между индивидом и обществом, с другой.

В отечественной философии марксистская и неомарксистская трактовка феномена отчуждения отражена в работах М. П. Ахметзяновой⁴, В. Д. Завьялова⁵, А. И. Кравченко⁶, А. С. Краснова⁷, М. Маркович⁸, И. С. Нарского⁹.

Отчуждение как социальный феномен исследуется в работах Б. В. Новикова, Т. В. Беловой, А. К. Гостищева¹⁰, А. В. Харламова, Г. С. Киселева, С. Г. Лагутина¹¹, Н. А. Печерских¹², Ю. А. Прозорова¹³, Е. Э. Суровой, Е. Н. Старикова.

Социально-психологические аспекты отчуждения рассматриваются в работах С. А. Суворова¹⁴, М. В. Шугурова¹⁵, В. В. Абраменковой¹⁶, Т. В. Беловой¹⁷.

³ Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2005. – 526 с.

⁴ Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса / М. П. Ахметзянова // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки, 2018. – Вып. 48. – С. 62 - 65.

⁵ Завьялов В.Д. Проблема экономического отчуждения в анализе производственных отношений / В. Д. Завьялов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1990. – 142 с.

⁶ Кравченко А. И. Концепция отчуждения Эриха Фромма / А. И. Кравченко // Научные Ведомости. Серия Философия. Социология. Право, 2018. – Т. 43, №1. – С. 46-52.

⁷ Краснов А. С. Диада «идентичность – отчуждение» в синтагме К. Маркса: история и современность / А. С. Краснов // Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2013. – Т. 13, Вып. 3. – С. 26-29.

⁸ Маркович М. Маркс об отчуждении / М. Маркович // Вопросы философии, 1989. – № 9. – С. 36-51.

⁹ Нарский И. С. Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса / И. С. Нарский. – М.: Мысль, 1983. – 144 с.

¹⁰ Гостищев А. К. К вопросу о перманентности отчуждения / А. К. Гостищев // Отчуждение как социокультурный феномен: тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. Киев, 1991. – С. 35-41.

¹¹ Лагутин С. Г. Социально-философская и методологическая ценность категории отчуждения: автореф. дис. канд. филос. наук / С. Г. Лагутин. – Волгоград, 1998. – 20 с.

¹² Печерских Н. А. Отчуждение как феномен коллективности / Н. А. Печерских // Вопросы философии. 2003. – № 5. – С. 30-43.

¹³ Прозоров Ю. А. Феномен отчуждения как объект социологического исследования: автореф. дис. канд. соц. наук / Ю. А. Прозоров. – М., 1991. – 22 с.

¹⁴ Суворов С. А. Отчуждение как возможный этап развития личности: автореф. дис. канд. социол. наук / С. А. Суворов. – Тамбов, 2008. – 22 с.

¹⁵ Шугуров М. В. Человек в опыте отчуждения: герменевтико-феноменологический подход: автореф. дис. док. филос. наук / М. В. Шугуров. – Саратов, 2000. – 36 с.

¹⁶ Абраменкова В. В. Проблема отчуждения в психологии / В. В. Абраменкова // Вопросы психологии, 1990. – №1. – С. 5-12.

¹⁷ Белова Т. В. Социальный и индивидуальный уровни отчуждения / Т. В. Белова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, 1991. – № 2. – С.25-34.

Онтологический аспект отчуждения исследуется Б. И. Воронцовым¹⁸, В. В. Дроздовым¹⁹, М. В. Шугуровым²⁰.

Отчуждению в информационном обществе посвящены работы А. А. Веряева²¹, С. А. Ветрова²², А. В. Егоровой²³, З. К. Давлетшина²⁴, М. С. Кальней, Л. Л. Тимченко²⁵, А. В. Харламова²⁶, С. К. Шайхитдиновой. Помимо разработки теории социального отчуждения, важной составляющей данного исследования является анализ диалога как способа преодоления отчуждения, с одной стороны, и как основы творческой деятельности, с другой. Диалогическая проблематика была сформирована в трудах М. Бубера, Э. Левинаса, М. М. Бахтина²⁷.

Ключевым моментом данной работы является поворот в рассмотрении отчуждения, который возможен благодаря К. Марксу. Маркс выделяет различные ступени отчуждения, среди которых значимой формой представляется отчуждение человека от человека. В дальнейшем марксистский анализ дополняется более детальным осмыслением отчуждения, погруженного в контекст социальной коммуникации. Исследование отчуждения в соотнесении с коммуникацией позволяет установить, что отчуждение является

¹⁸ Воронцов Б. И. Отчуждение как бытийственная характеристика человеческого существования / Б. И. Воронцов // *Философская антропология: истоки, современное состояние и перспективы*. Сб. тезисов. М., 1995. – С. 191-193.

¹⁹ Дроздов В. В. Философский анализ структуры отчуждения и «механизмов» его функционирования: автореф. дис. канд. филос. наук / В. В. Дроздов. – Магнитогорск, 2004. – 21 с.

²⁰ Шугуров М. В. Онтологические основания отчуждения как феномена культуры / М. В. Шугуров // *Человек в социокультурном мире*. Саратов: СГУ, 1995. – С. 15-16.

²¹ Веряев А. А. К проблеме отчуждения человека в информационном обществе / А. А. Веряев // *Образование и наука на пороге третьего тысячелетия: сб. материалов науч.-практ. конф.*, 29-30 апр. 1999 г. – Барнаул, 1999. – Ч. 1. – С. 38-44.

²² Ветров С. А. Отчуждение в трансформируемом обществе: автореф. дис. канд. филос. наук / С. А. Ветров. – Омск, 1995. – 22 с.

²³ Егорова А. В. Формы отчуждения в постиндустриальном обществе на современном этапе его развития Текст. / А. В. Егорова // *Вестник Ярославского государственного университета*. 2008. – № 10. – С. 81-87.

²⁴ Давлетшин З. К. Отчуждение в структуре целеполагания постиндустриального общества / З. К. Давлетшин // *Учебные записки Казанского государственного университета*, 2008. – Т. 150. – Кн. 4. – С. 50-55.

²⁵ Тимченко Л. Л. Отчуждение в современном обществе.: автореф. дис. канд. филос. наук / Л. Л. Тимченко. – Барнаул, 2010. – URL: <http://cheloveknauka.com/otchuzhdenie-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения 10.04.2015).

²⁶ Харламов А. В. Социальное отчуждение и социальная коммуникация (коллизии и противоречия духовной культуры) / А. В. Харламов // *Общество и коммуникация*. – Новосибирск, 2003. – С. 23-29.

²⁷ Бахтин М. М. Человек в мире слова / М. М. Бахтин. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 139 с.

структурирующим элементом социальной реальности, в то же время сигнализирующим о необходимости трансформации форм коммуницирования индивидов, так или иначе вовлеченных в творческую деятельность.

Изучение механизмов отчуждения в современном обществе наиболее перспективно в контексте творческой деятельности, под которой понимается особый способ бытия человека. Анализ творчества в рамках данного исследования основан на работах Н. А. Бердяева²⁸, Ф. Ницше²⁹, М. Хайдеггера³⁰, М. Фуко³¹, Ж. Бодрийяра³², Ж. Делеза³³.

Ключевым моментом в исследовании творческого процесса является сопоставление философских теорий М. Фуко и Ф. Ницше, изучению которых в отечественной философии посвящены работы А. В. Дьякова³⁴, С. Л. Франка, А. В. Билибенко.

При изучении структуры творческой деятельности мы обратились к исследованиям в области психологии (Г. Уоллес, Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, И. В. Галактионов), а также к работам, посвященным философским теориям творчества (М. Н. Эпштейн³⁵, И. П. Фарман, Г. С. Батищев³⁶, Т. Рибо, П. К. Энгельмейер³⁷). Диалогической природе творчества посвящены работы Г. Буша³⁸, А. Л. Немчиновой³⁹.

²⁸ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 607 с.

²⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2010. – 848 с.

³⁰ Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2005. – 526 с.

³¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.

³² Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. – 347 с.

³³ Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.

³⁴ Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. – СПб.: Алетейя, 2010. – 672 с.; Дьяков А. В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше / А. В. Дьяков // Хора, 2007. – № 1-2. – С. 61-68.

³⁵ Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.

³⁶ Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – СПб.: Рус. Христ. гуманист. ин-т, 1997. – 463 с.

³⁷ Энгельмейер П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – М.: URSS, 2007. – 203 с.

³⁸ Буш Г. Диалогика и творчество / Г. Буш. – Рига, 1985. – 238 с.

³⁹ Немчинова А. Л. Креативная сущность диалога / А. Л. Немчинова // Вестник АГТУ. – Астрахань, 2013. – №1 (55). – С. 71-78.

Наконец, появляются работы, непосредственно посвященные анализу отчуждения творчества (С. Б. Бахитов⁴⁰, А. И. Беспалов⁴¹, Д. А. Давыдов⁴², М. С. Кальней⁴³), не выходящие, однако, за рамки традиционной интерпретации отчуждения как негативного феномена.

Объект исследования – отчуждение.

Предмет исследования – отчуждение творчества как способа бытия человека.

Цель диссертационного исследования – проанализировать различные формы отчуждения, выявить существенные характеристики данного феномена и обозначить его место в структуре творческой деятельности.

Задачи исследования:

1. Проследить генезис концепта отчуждения в историко-философском процессе.
2. Проанализировать феномен отчуждения в контексте социальной реальности.
3. Проблематизировать целостность концепта отчуждения через обращение к анализу творческой деятельности.
4. Выявить структуру творческой деятельности.
5. Изучить взаимосвязь компонентов творческой деятельности и форм, которые принимает отчуждение.

⁴⁰ Бахитов С. Б. Коммунальное отчуждение труда и творчество / С. Б. Бахитов // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. – Вып. №2 (62), Т. 6. – С. 182-186.

⁴¹ Беспалов А. И. Отчуждение деятельности как философская проблема: автореф. дис. канд. филос. наук / А. И. Беспалов. – М., 2004. – 29 с.

⁴² Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение / Д. А. Давыдов // Человек. – Российская академия наук, 2019. – Вып. №1 (30). – С. 45-65.

⁴³ Кальней М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе / М. С. Кальней // Экономические и социально-гуманитарные исследования, 2017. – №4 (16). – С. 36-41.

6. Исследовать современное состояние проблемы отчуждения и проследить взаимосвязь отчуждения и творчества в информационном обществе.
7. Рассмотреть процесс творческой самореализации в условиях современного общества и креативность как форму отчужденного творчества.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Методология исследования основывается на сочетании историко-философского и концептуального анализа, позволяющем раскрыть становление понятия отчуждения в историческом процессе и рассмотреть его в соотнесении с творческой деятельностью. Для установления соотношения творчества и отчуждения в современном обществе используется метод компаративистского анализа современных форм отчуждения и механизмов творческой деятельности.

Кроме того, для изучения отчуждения как феномена, переживаемого человеком, в работе применяется феноменологический метод. Особое значение для исследования имеет структуралистский анализ, позволяющий рассмотреть отчуждение как элемент социальной и лингвистической структур, а также структуры творческой деятельности. Наконец, для того, чтобы соотнести элементы выявленных структур, в исследовании применяется диалогический метод.

Теоретическую основу исследования составили философские, психологические и социологические труды отечественных и зарубежных авторов, а также диссертационные исследования и электронные ресурсы сети Интернет, посвященные концептам отчуждения и творчества.

Научная новизна исследования.

Научная новизна данного исследования состоит в проблематизировании феномена отчуждения творчества как особого способа бытия человека в условиях информационного общества.

- Выявлена структурообразующая роль отчуждения в сфере социального.
- Представлено целостное осмысление феномена отчуждения, возможное благодаря анализу творческой деятельности.
- Исследованы механизмы воздействия современных информационных технологий на процесс творческой деятельности.
- Установлена диалогическая природа творчества, которая указывает на процессуальность как главную характеристику творческой деятельности и предполагает смещение заданных образцов для выхода к новому.
- Проблематизировано отчуждение творчества как состояния, проявляющегося в кризисе идентификации, трансформации коммуникации и изменении способа бытия человека в мире.
- Изучена креативность как новая форма творчества информационной эпохи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отчуждение представляет собой феномен социальной реальности и социальный процесс, результатом которого становится утрата индивидом его сущностных характеристик на одном из уровней социального взаимодействия. Феномен отчуждения не замыкается на экономической структуре, интегральное осмысление отчуждения возможно через творчество и коммуникацию/диалог. В современном обществе отчуждение, наряду с коммуникацией, становится структурирующей категорией социальности.
2. Творческая деятельность – это процесс, неотъемлемой составляющей которого является диалог как имманентная основа творчества. Диалогическое отношение к реальности есть отношение выхода за пределы собственной субъективности, смещение установленных форм и образов, а значит переход к подвижности субстантивированных форм как источнику того нового-в-потенции, которое не определено абсолютностью отрицательного *ex nihilo*.

3. Взаимосвязь творчества и отчуждения в современном обществе выражается на уровне творческой самореализации, который включает самоидентификацию, коммуникацию и утверждение творчества как особого способа бытия человека. Отчуждение творчества проявляется на трех взаимосвязанных уровнях: как кризис идентификации, трансформация коммуникации и изменение способа бытия человека в обществе.
4. Творческая деятельность в условиях информационного общества претерпевает значительные изменения. В настоящее время человек сталкивается с необходимостью не столько преодолеть отчуждение в его локальных формах, завладев производимым продуктом, сколько преобразовать отчуждение творческой, продуктивной деятельности как особого способа бытия. Современной формой отчужденного творчества становится креативность. Трансформации, которым подвергается общество при переходе к информационной стадии, указывают на необходимость исследования феномена отчужденного творчества как состояния, сигнализирующего о потребности в новой методологии творческого мышления, которая бы позволила не преодолеть эту отчужденность, а вписать ее в творческий процесс.
5. Задачей творческого человека информационного общества является ответ на вызов эпохи, который заключается в выработке нового отношения к информации и механизмов ее освоения, а также в возвращении процессуальности определяющего значения в творческой деятельности. Анализ креативности как формы отчужденного творчества может способствовать осознанию индивидом способности к различению, заключенной в симулятивности современной культуры информационного общества, которое в свою очередь позволит запустить механизм творческой самоактуализации на новом уровне.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Результаты данного исследования вносят теоретико-методологический вклад в формирование новых подходов к философскому анализу феномена отчуждения. В исследовании представлено целостное осмысление концепта отчуждения в контексте творческой деятельности: установлены основные характеристики и формы отчуждения, проведен анализ структуры творческой деятельности, разработан теоретико-методологический подход к исследованию механизмов отчуждения творчества.

Наряду с этим, в ходе данного исследования выявлена возможность позитивной трактовки отчуждения в социуме. Такой подход меняет устоявшуюся традицию, направляя философскую мысль не на проблему устранения отчуждения, а на необходимость принять его как необходимый этап развития общества. Отчуждение теперь выступает в качестве структурирующего элемента социальности, наряду с коммуникацией, и, воплощаясь в процессе творчества, сигнализирует о необходимости создания новой методологии творческого мышления, с помощью которой отчуждение было бы вписано в творческий процесс как его неотъемлемый атрибут. Потребность в новом методе продиктована меняющимися условиями информационного общества, в котором старые схемы творчества не способны функционировать, превращая творческий процесс в отчужденную от индивида деятельность.

Результаты исследования позволяют выстроить междисциплинарную модель творческой деятельности, основанную на материалах психологии, социологии и социальной философии. Поскольку творчество не замыкается рамками философии или любой частной науки, важным итогом данной работы является определение творчества как процессуальности, как особого способа бытия человека в мире. Подобная генерализация позволяет исследовать механизм разворачивания процесса творчества в пространстве социального вне зависимости от конкретных форм его воплощения.

Помимо этого, практическая значимость данного исследования заключается в том, что его основные положения могут быть использованы при разработке спецкурсов по социальной философии, философской антропологии, философии творчества, философии культуры и дальнейшего исследования специфики соотношения творчества и отчуждения в информационном обществе.

Апробация исследования.

Основные положения и результаты исследования отражены в 12 научных публикациях, пять из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ. Полученные выводы диссертационного исследования озвучивались на заседаниях научной сессии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, а также в рамках Третьей международной конференции «Национальная стихия творчества: время и трансгрессия» (Санкт-Петербург, июнь 2017 г.), XXX международной научно-практической конференции «История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты» (Новосибирск, март 2020 г.).

Структура и объем работы.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, включающих 7 параграфов, и заключения. Общий объем работы составляет 144 страницы. В конце работы приведен библиографический список, состоящий из 200 источников.

ГЛАВА 1

Теоретико-методологический анализ феномена отчуждения

§1. Феномен отчуждения в историко-философской ретроспективе

Приступая к рассмотрению феномена отчуждения, необходимо определить истоки его возникновения, выявить сущностные формы его трансформации и обозначить направления развития данной проблематики в различных течениях современной философии. Результатом данного исследования станет актуальное определение отчуждения, через призму которого будут рассмотрены существующие трактовки данной категории, что позволит проблематизировать отчуждение в контексте творчества как особого рода деятельности.

Анализируемая в данной работе проблема отчуждения включает в себя множество разнообразных аспектов, на основе которых возникают различные направления ее изучения. Однако неким общим смысловым ядром для всех этих направлений является дихотомия свое-чужое, т.е. идея превращения своего (чего-то, принадлежащего человеку) в чужое – идея разъединения, трансформации и противостояния Я и не-Я в своих различных социальных формах. На основе этой первичной интуиции, содержащейся в самом термине «отчуждение», впоследствии формируются различные дефиниции данной категории, философские концепции отчуждения⁴⁴, исследуемые в данной работе.

Отчуждение не является исключительно философской категорией, данное понятие используется в социологии, психологии и праве и имеет свою специфику в каждой из указанных областей. В психологии под отчуждением понимается состояние эмоционально-психологической отстраненности, чуждости по отношению к кому-либо или чему-либо, в том числе к самому себе. В сфере права термин отчуждение применяется для обозначения акта передачи прав собственности на что-либо от одного лица другому. В социологии термин «отчуждение» близок к социально-философскому содержанию категории

⁴⁴ Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина; под общ. ред. А. П. Ярещенко. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2005. – С. 446-448.

отчуждения и используется на общетеоретическом уровне. В философии отчуждение понимается, в свою очередь, как объективация качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия. Философское определение отчуждения отсылает к гегелевскому понятию овнешнения, связанного с процессом развития мирового духа.

Важным аспектом в исследовании отчуждения является изучение его как социокультурного феномена. Определяя отчуждение подобным образом, мы обозначаем область его применения в рамках социальной реальности, что позволяет акцентировать внимание на типах отчуждения в сфере социального взаимодействия. Поскольку отчуждение является феноменом человеческого бытия, можно предположить, что оно существовало задолго до появления соответствующего концепта. Отчуждение, таким образом, является одной из проблем социального развития и присутствует в качестве одного из атрибутов человеческого существования на протяжении всего исторического процесса. Таким образом, будучи социокультурным феноменом, отчуждение существует на двух уровнях – социальном и экзистенциальном.

Появление феномена отчуждения предшествует появлению соответствующего концепта, возникающего как логически оформленная мысль о данном феномене. Вплоть до XVII века можно говорить о некой интуиции отчуждения, присутствовавшей уже в работах античных философов.

Так, к примеру, в философии Платона феномен отчуждения имплицитно содержится в контексте предложенного им учения о двойственности мира, поскольку мир истинно существующего, мир идей, является причиной мира вещей, и человек, находясь в чувственно-воспринимаемом мире, отчужден от истинного мира. В связи с этим, мы находим у Платона описание Космоса как совершенного и завершенного единого и человека, как части этого единого: «Космос обладает совершенством и как совершенное, всеобъемлющее живое существо, наделенное душой и умом, Космос прекрасен, чего нельзя сказать о

существо частного вида»⁴⁵. Единое возвышается над человеком, являясь не только источником прекрасного и совершенного, но и носителем первичного творческого импульса, а значит, источником творчества. Человеческое творчество, в свою очередь, есть лишь отражение божественного творчества. Здесь Платон указывает на единственно правильный способ творческой самореализации, заключающийся в стремлении к Единому, которое есть любовь и благо.

Отчуждение у Платона можно трактовать как двойственность мира, с одной стороны, и как изоляцию человека вследствие разрыва связей с обществом, с другой. Подобная изоляция есть следствие нарушения принципов гармонии, меры и соразмерности, которые лежат в основе Космоса как мифологемы античного мировосприятия. Для древнегреческой философии характерно осмысление человека как части полиса, а изгнание из общины, по сути, являлось социальной смертью.

В данном контексте уместно обратиться к дихотомии «свои – чужие»: все, что находилось за границей полиса, мыслилось как «чужое», в то время как «свое» наделялось сакральным значением и являлось священным. В то же время, каждый элемент Космоса располагался на своем месте, выполняя отведенную ему функцию: «Государство у нас было признано справедливым в том случае, – отмечает философ, – если каждое из трех его сословий выполняет в нем свое дело. Значит, нам надо помнить, что и каждый из нас тогда только может быть справедливым и выполнять свое дело, когда каждое из имеющих в нас начал выполняет свое»⁴⁶.

Платоновская структура идеального государства отражает его учение о трехчастном строении души, в ней каждому сословию соответствует своя добродетель, что указывает на исходную интуицию единства космического-общественного-индивидуального, в котором отчуждение может проявляться именно в форме нарушения этого единства. Аристотель, определяя человека как

⁴⁵ Платон. Тимей / Платон // Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 471.

⁴⁶ Платон. Государство. Кн.4 / Платон. // Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 173.

«политическое животное»⁴⁷, *zoon politikon*, также указывает на первостепенность отношения человек – государство, как отношения части и целого. Человек, лишенный полиса, оказывался в пространстве «чужого», отчуждался от сакрализованной территории полиса.

На уровне феномена отчуждение возникает не только в сфере социального взаимодействия (социальный уровень), но и в качестве внутреннего состояния, что связано с обращением к личностным проблемам человека (экзистенциальный уровень). Кризис полиса, которым ознаменовался переход к эллинистическому периоду развития философии, приводит к возникновению новых тенденций в осмыслении места и роли человека в структуре общества. Изменения в сфере общественного бытия, следствием которых стала трансформация классической полисной системы, привели, в конечном итоге, к изменениям сферы общественного сознания и к возникновению философии эскапизма.

Так, в эпоху эллинизма отчуждение проявляется в процессах самоидентификации, когда бывший гражданин полиса пытается найти свое место в огромной Империи, частью которой он теперь является. Результатом этого становится нарастающее чувство апатии, нашедшее отражение в основных доктринах эскапизма: стоицизме, эпикуреизме, скептицизме – в основе которых заложены понятия автаркии (самодостаточности) и атараксии (спокойствия, невозмутимости) как магистральные ориентиры для достижения счастья, а также в наиболее радикальных проявлениях эскапистских доктрин – школах киников и киренаиков.

Таким образом, основная социальная функция эллинистически-римских доктрин эскапизма заключается в призыве к «уклонению» индивида от активной вовлеченности в социальную практику. Поскольку эволюция форм политического устройства в античности, начавшись с кризиса полиса, переходит впоследствии от эллинистической монархии к Империи, мы можем говорить о постепенном нарастании в обществе влияния доктрин эскапизма. Гражданин полиса превращается в подданного, который не ощущает прежнего единства с системой,

⁴⁷Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 378.

в которую он включен. Эскапизм, в данном случае, может трактоваться как отрицательное явление в контексте социального функционирования индивида, и как позитивное – на экзистенциальном уровне, подразумевающим возрастающую степень саморефлексии как источника творчества.

Философия неоплатонизма привносит в понимание отчуждения позитивный аспект: отчуждение трактуется как приближение к Единому в мистическом экстазе, когда душа восстанавливает утраченную связь с Единым через самопознание, которое переходит затем в познание мира. Следуя иерархии, выстраиваемой Плотинем, можно проследить два этапа отчуждения: сначала душа отчуждается от Единого в результате эманации, затем же она отчуждается от телесного, материального, в мистическом экстазе: «Диалектика может примирить и снять все кажущиеся противоречия: рождающую божественность, направленную на придание космосу целостности и полноты, и противопоставляемое ей добровольное нисхождение»⁴⁸. Таким образом, в неоплатонизме наблюдается амбивалентность процесса отчуждения Единого, через отчуждение от телесного происходит приобщение к Единому, а значит, спасение души.

Тема дуальности мира, начатая Платоном, в Средние века развивается в рамках религиозного мировоззрения, и феномен отчуждения проявляется в новом качестве. Взаимоотношения человека с высшим идеальным началом воспринимаются в данную эпоху через противопоставление божественного и земного, физического и духовного. Поднимаются вопросы об истоках трагического положения человека в мире и об условиях его преодоления. Наиболее полно проблема отчуждения отражена в учении Аврелия Августина, которое во многом определило дальнейшее развитие данной проблематики.

В философии Августина отчуждение проявляется в дихотомии Града Божьего и Града Земного, т. е. в изначальном разделении людей, связанном с грехопадением⁴⁹. Помимо этого, отчуждение понимается как разрыв связи

⁴⁸ Плотин. Эннеады / Плотин. – Киев.: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. – С. 118.

⁴⁹ Августин А. О граде Божьем / А. Августин. – М.: АСТ, 2000. – 1294 с.

человека с Богом, поскольку, будучи созданным по образу и подобию Бога, человек не равен ему. Способ преодоления отчуждения, таким образом, заключается в праведной жизни, в стремлении узнать в самих себе образ Бога, вся мировая история есть движение к одной цели – достижению праведниками Царства Божьего.

Подобная интерпретация отчуждения весьма специфична в силу социокультурного контекста данной эпохи, одним из проявлений которого является стремление людей к религиозной защите, гарантирующей избавление от отчуждения. Однако если не учитывать влияния религии, концепция отчуждения по-прежнему основывается на интуиции разъединения и чуждости, не наполняясь сущностно значимым содержанием.

Важным моментом на пути оформления отчуждения как категории является возникновение гуманизма, являющегося неотъемлемой характеристикой философии эпохи Возрождения. Трансформация феномена отчуждения в данную эпоху связана с осмыслением двойственности сущности человека. С одной стороны, человек принадлежит Богу, как его создание, с другой стороны, божественные функции перекладываются на человека для дальнейшего процесса творения своей судьбы.

Данную мысль выражает Джованни Пико делла Мирандола в своеобразном манифесте Возрожденческого гуманизма – «Речи о достоинстве и превосходстве человека». Он пишет, что Бог наделил человека правом создавать свой образ по собственному решению: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные»⁵⁰. Человек – творец, наделенный свободой выбора и ответственностью за этот выбор. В этом заключена двойственность человеческой свободы. Таким образом, отчуждение проявляется в ощущении раздвоенности в

⁵⁰ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-ти тт. – М., 1992. – Т. 1. – С. 507-508.

процессе осознания человеком себя и своей свободы. Феномен отчуждения осмысливается в контексте возникающего противоречия, связанного с утверждением свободной личности, с одной стороны, и ответственности за свою земную жизнь, с другой.

Гуманизм эпохи Возрождения⁵¹ дает возможность акцентировать внимание на творческих способностях человека, на человеке как личности, что, в свою очередь, позволяет увидеть еще одну грань отчуждения, связанную с невозможностью воплощения всех желаний человека в силу его фактической ограниченности. Но, наряду с этим, позитивный характер отчуждения проявляется в стремлении человека стать божеством, сравниться с Богом в результатах своей деятельности. Творчество человека теперь самоценно и потому приоритетно, реализовать себя в творчестве – значит преодолеть отчуждение, приравнять себя к Богу в творческом акте.

В трудах гуманистов появляется категория деятельной жизни, которая отражает установку на преобразовательную, творческую активность человека. Так, Леон Батиста Альберти возводит труд в степень некоего нравственного идеала, подчеркивая, что именно активность, а не праздность является источником счастья: «Ничто так не противоречит жизни и положению человека в мире, как отсутствие какого-либо почетного дела. Не для того дает природа человеку величие разума, ума, таланта, чтобы он прозябал в покое и изнеженности. <...> Искусство жить достигается в деяниях»⁵².

Наряду с этим, деятельной жизни противопоставляется жизнь созерцательная. Приоритет одного из этих способов менее очевиден, чем в случае с праздностью и деятельностью. Рассуждению о деятельной и созерцательной жизни посвящен трактат Кристофоро Ландино «Диспуты в Камальдоли». Ландино сопоставляет два образа жизни, отмечая, что в активной жизни человек стремится к справедливости, а в созерцательной – к истине. Однако в конце трактата он делает вывод о гармоничном сочетании действия и созерцания,

⁵¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.

⁵² Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.) / Л. М. Брагина. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 158.

которые одинаково необходимы каждому человеку и обществу в целом, связаны с жизненной практикой и поэтому обретают гражданственный смысл. Таким образом, в представлении гуманистов, реализация творческих способностей человека неразрывно связана с деятельностью на благо общества, а преодоление отчуждения становится возможным путем включения в общественную жизнь, что перекликается с античными представлениями о человеке как гражданине полиса.

Подобного рода противоречия характерны для всего периода развития первичных представлений об отчуждении, поскольку вплоть до XVII века отчуждение осмысливается как конфликт, раздвоенность и реакция на них человека и общества.

В виде концепта отчуждение возникает в философских системах XVII-XVIII вв., обозначая процесс передачи прав и свобод индивида государству. Ключевым моментом для данного исследования является, прежде всего, концептуальное оформление отчуждения в данный период развития философии, а также социальный характер отчуждения, который ему придают теоретики «общественного договора». Отчуждение интерпретируется в этот период преимущественно в рамках общественно-политической сферы. Так, у Т. Гоббса в «Левиафане» мы можем обнаружить трактовку отчуждения как процесса передачи прав отдельного индивида государству.

Государство, таким образом, является результатом совместной деятельности людей, которые, по словам Гоббса, находясь в состоянии «войны всех против всех», в конце концов, приходят к заключению о необходимости создания государства, или Левиафана. Гоббс замечает, что данное отчуждение носит добровольный характер: «Не все права могут быть отчуждаемы. Когда человек переносит свое право или отрекается от него, то он это делает или ввиду какого-нибудь права, которое взамен переносится на него самого, или ради какого-нибудь другого блага, которое он надеется приобрести. В самом деле, такое отречение, или отчуждение, является добровольным актом, а целью

добровольного акта всякого человека является какое-нибудь благо для себя»⁵³. Социум – политическое изобретение, однако, отчуждение, являющееся источником социальности, не принадлежит исключительно политической сфере. Уместно определить его как творческое отчуждение, поскольку добровольный акт передачи прав индивида ради создания государства носит скорее творческий, чем политический характер.

Однако следует отметить, что даже если изначально замысел отчуждения прав человека в пользу государства по своему содержанию позитивен, впоследствии обнаруживается негативный характер такого отчуждения. Человек превращается в орудие, в инструмент реализации волеизъявления государства, только государство обладает отныне правом выразить волю общества в целом. Единственным правом человека, по сути, остается право на жизнь: «...мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности, т. е. сохранение жизни и обеспечение средств такого сохранения жизни, при котором последняя не стала бы тяжелой»⁵⁴.

В творчестве Ж.-Ж. Руссо проблеме отчуждения отведена более значительная роль и рассматривается она в несколько ином аспекте. Уже здесь возникает вопрос о содержании понятия отчуждения и области его применения, который проявится в дальнейшем в философии Гегеля и Маркса. Руссо употребляет термин отчуждение в значении «отдавать, продавать что-либо», тем самым, сводя область его применения к сфере юриспруденции.

Руссо стремится показать позитивную сторону передачи прав индивида государству, акцентируя свое внимание на том, что, становясь частью целого, люди становятся равными в рамках этого целого: «Итак, если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям: каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все

⁵³ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://royallib.com/read/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_tserkovnogo_i_gragdanskogo.html (дата обращения 20.04.2015). – С. 19.

⁵⁴ Там же. – С. 19.

свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого»⁵⁵.

В «Общественном договоре» Руссо видит источник отчуждения, прежде всего, в возникновении частной собственности. Собственность, по утверждению Руссо, порождает неравенство и ведет к порабощению человека. В то же время, именно в частной собственности заключена гарантия человеческой свободы, но для этого необходимо, чтобы люди стали равны в праве владения. Что касается государства, то в нем Руссо также видит негативное проявление общественного договора, поскольку, создаваясь с целью защиты граждан, оно постепенно превращается в орган угнетения и подавления прав и свобод. Деспотическое государственное устройство становится чуждым человеку, и народ имеет право на свержение такой власти. Результатом этой революции и станет равенство частной собственности и демократия, которые устранят отчуждение государства от народа. Речь идет, по сути, об отчуждении самого отчуждения, о деконструкции отчуждения, результатом которой стало бы утверждение отчуждения в изначальном, позитивном статусе.

Таким образом, несмотря на особое внимание к категории отчуждения, в творчестве Ж.-Ж. Руссо она по-прежнему остается неким фоновым понятием, не ставшим предметом самостоятельного философского анализа. Стремясь указать на невозможность отчуждения свободы индивида, он в то же время пишет об угнетающей роли государства, тем самым, делая понятие отчуждения неясным, и не выделяя в нем различные взаимосвязанные аспекты: «Есть один только закон, который по самой своей природе требует единодушного согласия: это – общественное соглашение. Ибо вхождение в ассоциацию граждан есть самый добровольный акт в мире; поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его

⁵⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: «КАНОН – пресс», «Кучково поле», 1998. – URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 20.04.2015). – С. 40.

без его согласия. Постановить, что сын рабыни рождается рабом, это значит постановить, что он не рождается человеком»⁵⁶.

Подводя промежуточный итог, нужно указать на важную интуицию в отношении отчуждения, которая появляется уже в работах философов эпохи Просвещения: отчуждение формируется в контексте социального взаимодействия индивидов, являясь продуктом их совместной деятельности и неизбежным результатом возникновения государства. Таким образом, продукт творческой деятельности человека начинает господствовать над ним, отчуждение человеком своих прав приводит к отчуждению от него социальных институтов. Уже здесь прослеживается двойственность понимания отчуждения: с одной стороны, как акта передачи чего-либо, а с другой стороны, как результата такого акта. На основе учения об общественном договоре возникает представление об амбивалентности отношений между человеком и продуктами его деятельности – того, что станет основой марксистской теории отчуждения труда.

В XIX веке концепт отчуждения становится более содержательным, к этому времени можно отнести философское оформление категории отчуждения. Исследование категории отчуждения возможно посредством обращения к немецкой классической философии, в рамках которой стоит акцентировать внимание на анализе категории отчуждения Г. Ф. В. Гегелем, который рассматривал его в контексте диалектической системы и определял через исторический процесс овнешнения.

Отправной точкой рассуждений Гегеля об отчуждении является объективный дух, идея. Чтобы иметь возможность самой стать предметом, из «в-себе» стать «для-себя», т.е. чтобы возвратиться к себе, идее необходимо нечто противопоставить себе, нечто, что было бы одновременно и идеей и чем-то чуждым ей: «Для-себя-бытие имеет предметом свое для-себя-бытие как некоторое просто «иное» и, в то же время, столь же непосредственно – как себя само, – себя как некоторое «иное», не в том смысле, будто у этого последнего имеется иное

⁵⁶ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: «КАНОН – пресс», «Кучково поле», 1998. – URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 20.04.2015). – С. 40.

содержание, – нет, содержание есть та же самость в форме абсолютного противоположения и совершенно собственного равнодушного наличного бытия»⁵⁷.

Таким образом, идея воспроизводит себя в природе, которую Гегель определяет как инобытие идеи – первый этап в процессе отчуждения. Далее, идея, чтобы стать «бытием-для-себя», должна вернуть себе возникшую из нее природу. Данный процесс запускает самоотчуждение природы, которая порождает человека. Гегель определяет человека как самосознание. Он представляет собой «в-себе» бытие и так же, как и идея, нуждается в полагании своей противоположности, чтобы стать «для-себя» бытием. Человек отчуждает от себя мир в форме истории. Этот процесс продолжается: «Мир этого духа распадается на два мира: первый есть мир действительности, или мир самого отчуждения духа, а второй мир есть мир, который дух, поднимаясь над первым, «сооружает» себе в эфире чистого сознания. Этот второй мир, противоположный указанному отчуждению, именно поэтому от него не свободен, а, скорее, есть лишь другая форма отчуждения, которое в том и состоит, что обладает сознанием двоякого рода мирах и которое объемлет оба»⁵⁸.

Гегель представляет процесс отчуждения следующим образом: абсолютный дух, развиваясь, отчуждает от себя природу, человека, опредмечивает их, и в историческом процессе познает себя, то есть распредмечивает: «...отчуждение будет отчуждаться от самого себя, и целое благодаря ему вернет себя обратно в свое понятие»⁵⁹. Для Гегеля само становление немислимо без отчуждения, под которым понимается опредмечивание, и которое подлежит в будущем снятию на более высокой ступени движения.

Актуальное исследование, в связи с этим, проводит Б. В. Новиков. Он указывает на разнообразие терминов для обозначения «отчуждения» в немецком языке, что, безусловно, важно учитывать при изучении данной проблематики не

⁵⁷ Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа / Г. Ф. В. Гегель. – URL: http://royallib.com/book/gegel_georg/fenomenologiya_duha.html (дата обращения 25. 04. 2015). – С. 80.

⁵⁸ Там же. – С. 76.

⁵⁹ Там же. – С. 77.

на языке оригинала: «Дело в том, что то, что переводится на русский язык как «отчуждение», в языке немецком – родном языке Гегеля, Фейербаха и Маркса имеет несколько аналогов, различающихся в нюансах, иногда очень существенных, чтобы от них просто отмахиваться, либо же не принимать в расчет»⁶⁰. В немецком языке существует три категории: *Veräußerung*, *Entäußerung*, *Entfremdung*, которые выражают различные аспекты отчуждения. «*Veräußerung*» обозначает акт передачи, отчуждения товара одним товаровладельцем другому, т. е. простой товарный обмен. Термин «*Entäußerung*» характеризует овеществление социальных отношений в деньгах, капитале, отчуждение во внешнем бытии – овнешнение. Категория «*Entfremdung*» отражает наиболее глубинные процессы отчуждения и связана с отчуждением всего социального мира, мира духовной и материальной культуры, от человека, их создававшего.

Рассматривая развитие представлений об отчуждении в философии Гегеля, уместным будет наметить основные моменты сходства и отличия его трактовки отчуждения от той, которую позднее предложил К. Маркс, поскольку сравнение этих первых методологических подходов к анализу отчуждения позволит определить направление дальнейшего исследования данного концепта.

Для Гегеля, как уже было сказано, сущностью человека является самосознание. Поэтому опредмечивание сущности, процесс ее отчуждения есть рабство для человека. Однако, в отличие от К. Маркса, Гегель не проводит различия между опредмечиванием сознания и предметностью самой по себе. Маркс рассматривает процесс опредмечивания идеального как процесс воплощения идей и творчества человека в материю, их служение обществу. Маркс, таким образом, решает проблему отчуждения, показав, что не предметность сама по себе является причиной отчуждения человеческой сущности, а частная собственность на средства производства как историческая,

⁶⁰ Новиков Б. В. Отчуждение как философская проблема / Б. В. Новиков. – URL: <http://www.proza.ru/2011/02/02/714> (дата обращения 26.04.2015).

временная форма опредмечивания, которая и обращает продукты человеческой деятельности и саму деятельность против человека.

Еще одним подходом к трактовке феномена отчуждения, на котором стоит остановиться, является антропологический материализм Л. Фейербаха, который использует понятие отчуждения при объяснении христианской религии. Бог в христианстве предстает как отчужденная сущность человека: «Личность Бога есть средство, позволяющее человеку превращать определения и представления своего собственного существа в определения и представления другого существа, существа вне его. Личность Бога есть не что иное, как отдельная, обьективированная личность человека»⁶¹. В связи с этим возникает новое понимание религии, поскольку, поклоняясь Богу, человек поклоняется самому себе. При этом подобное религиозное самоотчуждение человека является необходимым этапом на пути его самопознания, что придает понятию отчуждения позитивный смысл.

Негативный момент отчуждения, согласно Фейербаху, заключается в непреодолимом барьере, который устанавливается между Богом и человеком. Отчуждение может быть преодолено только в случае, когда человек откроет для себя свою истинную сущность: «Если человеческая сущность есть высшая сущность человека, то и практически любовь к человеку должна быть высшим и первым законом человека. Человек человеку бог – таково высшее практическое основоначало, таков и поворотный пункт всемирной истории»⁶².

Подобная трактовка отчуждения содержит прямую отсылку к творчеству как методу, который необходим человеку для преодоления отчуждения посредством присвоения собственной отчужденной сущности. Обращаясь к Другому в акте творчества, человек устанавливает диалогическое отношение к миру, позволяющее создать универсальный по смысловому содержанию художественный объект, понятный Другому. А это значит, что творчество, понимаемое как акт присвоения собственной сущности, направляет человека к

⁶¹ Фейербах Л. Сущность христианства / Л. Фейербах / Избранные философские произведения в 2-х тт. – М., 1995. – Т. 2. – С. 193-194.

⁶² Там же. – С. 308-309.

единственно правильной форме воплощения этой сущности – форме, которая будет обладать статусом абсолютности в отношении Другого, который через восприятие формы придет к собственному содержанию. Таким образом, в творческом процессе транслируются универсально значимые идеи, которые вызывают к отчужденной сущности человека и находят отклик именно благодаря ее изначальному отчуждению.

К. Маркс развивает в своей философской системе принципиально новый подход к пониманию отчуждения. Истоки отчуждения он ищет в материально – производственной сфере общества. Маркс рассматривает отчуждение как социально – экономическое явление, выделяя в нем несколько форм, основной из которых он называет экономическое отчуждение. С целью проанализировать факт эксплуатации человека человеком Маркс вводит понятие «отчуждение труда».

Подробный анализ данной проблематики представлен им в «Экономико-философских рукописях 1844 года». Маркс выделяет четыре взаимосвязанные стороны отчуждения труда:

1) самоотчуждение человека, то есть отчуждение от его собственной природы;

2) отчуждение от человека его собственной деятельности, то есть отчуждение труда;

3) отчуждение человека от его родовой сущности, то есть соответствующих человеку и достойных его условий жизни как форм удовлетворения его потребностей;

4) взаимоотчуждение, атомизация, разъединение людей.

Первый аспект, касающийся самоотчуждения человека, заключается в том, что рабочий относится к продукту своего труда как к чужому предмету: «...предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя»⁶³.
Осуществление труда – это претворение труда в действительность, его

⁶³ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 88.

опредмечивание. Соответственно, то, что стало продуктом труда, перестало принадлежать человеку, осуществление труда выступает как «выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение»⁶⁴.

Второй аспект проявления отчуждения основан на том, что деятельность перестает принадлежать человеку: «...отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом акте производства, в самой производственной деятельности <...> Ведь продукт есть лишь итог деятельности, производства. Следовательно, если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения»⁶⁵.

Таким образом, отчуждение предмета труда, по Марксу, есть закономерный итог отчуждения самой трудовой деятельности. Встраивая отчуждение в процессуальность, Маркс переносит негативность отчуждения на деятельность, не допуская возможности отойти от негативной трактовки отчуждения, создающей для человека единственный путь для снятия отчуждения через присвоение продукта собственной деятельности.

Третий аспект отчуждения, связанный с отчуждением родовой сущности человека, заключается в том, что в процессе производства человек удваивает себя, поскольку предмет труда – это опредмечивание родовой жизни человека. В итоге, отчужденный труд отнимает у человека и его деятельность, и его родовую сущность.

И, наконец, последний аспект проявления отчуждения: «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. <...> Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях

⁶⁴ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 88.

⁶⁵ Там же – С. 90.

человека к другим людям»⁶⁶. Этот аспект наиболее важен в контексте данного исследования, поскольку именно он впервые раскрывает возможность исследования отчуждения в процессе социального взаимодействия.

В своей трактовке отчуждения Маркс, в отличие от Гегеля, акцентировал внимание на реализации человека в предметной деятельности, а не только на его сознании. Именно в процессе такой деятельности опредмеченные силы отчуждаются от человека, становясь враждебными. Источником отчуждения, по Марксу, является господство частной собственности и товарно-денежных отношений. Таким образом, Маркс в своем исследовании отчуждения совершает поворот к проблеме объективации творческой составляющей человека, редуцирования его до статуса вещи: «негативность отчуждения заключается в том, что речь идет об отчуждении чего-то, что сделано нами. Наша *собственная* деятельность и продукты – социальные институты и отношения, которые мы *сами* создали – превратились в отчужденную силу»⁶⁷. Дальнейшие исследования проблемы отчуждения во многом основывались на идеях Маркса, развивая их и дополняя новыми аспектами.

Теоретическое осмысление отчуждения, наиболее полно оформленное в философских системах Гегеля, Фейербаха и Маркса, служит источником многообразия его трактовок в философских системах XXв. Однако чтобы исследовать феномен отчуждения в контексте социальной реальности, необходимо остановиться на нескольких направлениях, в которых отчуждение проявляется на различных уровнях – внутриличностном, межличностном и общесоциальном – экзистенциализме, диалогизме и социальной философии Франкфуртской школы. Сопоставительный анализ указанных направлений позволит изучить отчуждение как социальный феномен.

Анализ историко-философской традиции в исследовании феномена отчуждения позволяет сделать следующие выводы:

⁶⁶ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 94.

⁶⁷ Jaeggy R. Alienation. New directions in critical theory / R. Jaeggy. – New York: Columbia University Press, 2014. – P. 25.

Во-первых, в генезисе отчуждения можно выделить три этапа: существование отчуждения в качестве феномена общественной жизни, появление соответствующего концепта и, наконец, формирование философской категории отчуждения, которое происходит в XIX веке.

Во-вторых, отчуждение, как социокультурный феномен, существует на двух уровнях – социальном и экзистенциальном. С первым традиционно связана негативная трактовка отчуждения, тогда как второй указывает на позитивность данного феномена, отраженную, к примеру, в эллинистической философии эскапизма.

В-третьих, к середине XIX века категория отчуждения приобретает достаточную теоретическую оформленность, что позволяет впоследствии рассматривать ее в качестве самостоятельного объекта исследования.

§2. Отчуждение как структурирующий элемент социальности

В эволюции проблемы отчуждения можно выделить до-понятийное существование феномена отчуждения, концептуализацию данного феномена и появление соответствующей категории. Говорить о категории отчуждения можно, на наш взгляд, в контексте существования отчуждения в поле социального, где возможно построение особой системы человеческого бытия с включенным в нее отчуждением как явлением необходимым и неизбежным. Последний этап теоретического оформления проблемы отчуждения является отправной точкой для исследования отчуждения в контексте социальной реальности и перехода к анализу современного состояния данной проблемы.

Теоретической базой для данного исследования послужат те философские направления, которые включают в себя отчуждение как особую категорию, во многом определяющую бытие человека в социуме. Теоретическое осмысление социального отчуждения как особой системы, включающей набор концептуальных понятий, возникает лишь в XIX веке. Оформление отчуждения в качестве категории вызвало необходимость вписать данную категорию в структуру социальной реальности.

Под социальной реальностью подразумевается система общественных отношений между индивидами, которая имеет определенную структуру. Коллективная и индивидуальная деятельность составляют пространство конструирования социальной реальности. Так как отчуждение связано с деятельностью индивидов, как было сказано ранее, можно сделать вывод, что действия человека в пространстве социальной реальности, направленные на осуществление отношений с другими людьми и явлениями этой реальности, приводят к возникновению отчуждения как явления социального.

Социальное взаимодействие подразумевает наличие нескольких субъектов данного взаимодействия, между которыми образуются определенные связи. Отчуждение, возникая в этой структуре, изменяет сложившиеся социальные отношения. В связи с этим, представляется возможным разделить точку зрения о

существующих типах социального отчуждения, предложенную А. В. Харламовым: «В зависимости от того, какие именно субъекты вступают в социальное взаимодействие, были выделены основные типы отчуждения: внутриличностное («Я – Я»), межличностное («Я – Другой»), внутригрупповое («Я – Мы»), межгрупповое («Мы – Они») и общесоциальное («Я – Они»)⁶⁸. Таким образом, в качестве субъекта отчуждения может выступать отдельный индивид или группа.

Основополагающим в рамках данного исследования является межличностное взаимодействие и, соответственно, проблема возникновения межличностного отчуждения. Поскольку коммуникация на данном уровне подразумевает осознание «инаковости» другого человека, что тесно связано с процессом самоидентификации, данный тип отчуждения отсылает к понятиям «Свой» и «Чужой». Превращение «Своего» в чуждую человеку силу и есть самое общее определение отчуждения. Однако в процессе социальной коммуникации человек может стать чужим не только для одного конкретного человека, но и для группы людей, что приводит к понятию внутригруппового отчуждения, к теме конфликтов и маргинальности социальных субъектов как проявления социального отчуждения.

В этой связи, представляется важной проблема диалога, развиваемая в работах М. Бубера, Э. Левинаса, М. М. Бахтина, показывающая необходимость поиска особого вида коммуникации, который бы способствовал преодолению социального отчуждения. Еще одной сопредельной отчуждению категорией является одиночество как одно из проявлений социального отчуждения. По сути, все подобные категории, будь то страх, тревога, отчаяние, получившие развитие в философии экзистенциализма, являются гранями проявления отчуждения в обществе.

Направление исследования, рассматривающее отчуждение в процессе социальной коммуникации, в свою очередь, также многогранно и включает в себя

⁶⁸ Харламов А. В. Социальное отчуждение в информационном взаимодействии.: автореф. дис. канд. филос. наук / А. В. Харламов. – Кемерово, 2007. – С. 11.

взаимодействие индивидов на разных уровнях, от межличностного до общесоциального. В контексте изучения взаимосвязи творчества и отчуждения оно более перспективно и наиболее полно отражает характер отчуждения, нежели трактовка отчуждения в русле марксизма, как отчуждения продуктов труда и самой трудовой деятельности от человека. В контексте этого направления возникает проблема самоидентификации человека, потому что процесс идентификации проходит через призму восприятия человека Другим.

Современный исследователь проблемы отчуждения Е. Э. Сулова пишет о роли самоидентификации в данном процессе. По ее словам, процесс идентификации выражается в соблюдении границы между своим и чужим и включает два измерения: внешнюю идентификацию, связанную с построением внешнего образа, и внутреннюю, которая проявляется в форме речи, жестов и особого способа мышления⁶⁹. В состоянии отчуждения человек формирует «негативную идентичность», теряя истинную индивидуальность: «Кризис идентичности есть не что иное, как отчуждение от собственной сущности. Не имея определенного места в мире, утративший образ «Я», человек воспринимает мир как «тотальный симулякр»⁷⁰.

Конечно, в процессе социального взаимодействия отчуждение, так или иначе, связано с отношениями с другими людьми. В современном обществе это выражается в образе, который человек создает для себя. Другой становится не только участником коммуникации, но и неким судьей, воспринимающим образ, созданный человеком, и оценивающим его. Таким образом, на первом плане стоит не то, как человек оценивает себя, а то, что о нем думают другие, как другие воспринимают его образ.

Проблема идентификации человека и определения его места в структуре социальной реальности отражена в теории общества потребления, предложенной Ж. Бодрийяром. Рассуждения об образе, который создает человек, показывают,

⁶⁹ Сулова Е. Э. Европейец «отчужденный» / Е. Э. Сулова. – СПб.: Издательство СПб университета, 2004. – С. 34 – 35.

⁷⁰ Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса / М. П. Ахметзянова // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки, 2018. – Вып. 48. – С. 63.

что реальное и нереальное в современном обществе настолько сильно смешались, что между ними нет разницы, и образ, созданный человеком, фактически является единственным, что от него остается. Ж. Бодрийяр отмечает, что в обществе потребления не потребности являются основой производства, а предложение формирует спрос, и отчуждение проявляется в этом постоянном эффекте сходства, когда реальность заменяется гиперреальностью, заполненной симулякрами⁷¹. Сам субъект теряет статус субъекта и тем самым прерывает процесс социального взаимодействия. Отсюда следует, что отчуждение может быть результатом нарушения социальных связей в обществе.

Помимо коммуникативного аспекта в рассмотрении социального отчуждения, необходимо обратиться к проблеме взаимодействия человека с окружающими его вещами. Подобные рассуждения встречаются уже в работах К. Маркса в связи с критикой частной собственности: «Его (владельца) семейная генеалогия, история дома и т. д. – все это индивидуализирует для него его земельную собственность, превращает ее форменным образом в его дом, персонифицирует ее»⁷². Впоследствии это приводит к такому положению человека в обществе, когда его начинает определять вещь: «Вещи задают общественную иерархию. Одним словом, они господствуют в гиперреализованном мире»⁷³. Следствием фетишизации вещей становится господство системы образов, не имеющей связи с оригиналом, так называемая симулятивность социальной сферы.

Важную роль в современном мире играет информационная сфера социального взаимодействия. Причиной отчуждения в этой сфере может стать разрыв между производителем информации и ее потребителем. Современная стадия общественного развития, определяемая исследователями как информационная⁷⁴, характеризуется быстрым развитием информационных

⁷¹ Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: РУДОМИНО, 1999. – С. 177-179.

⁷² Маркс К. Экономико – философские рукописи 1844 г. / К.Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 81.

⁷³ Серкова В. А. Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра / В. А. Серкова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2017. – Т.8, №1. – С. 95.

⁷⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

технологий, что, в свою очередь, приводит к тому, что производитель информации практически не может отследить процесс ее потребления. Особую проблему в информационном взаимодействии представляет эффект анонимности, который позволяет человеку остаться неизвестным в процессе социального взаимодействия. Подобная ситуация приводит к возникновению еще одной формы отчуждения, связанной со стремлением избежать ответственности за свои действия, раствориться в толпе, что является признаком искаженной, трансформированной коммуникации.

Рассматривая процесс социального взаимодействия, нужно отметить как негативный, так и позитивный аспект отчуждения. В основании негативного понимания отчуждения лежит концепция отчужденного труда, предложенная К. Марксом. Большинство последователей Маркса также рассматривали отчуждение как негативное явление, приводящее к одиночеству, изоляции и беспомощности. Однако отчуждение можно интерпретировать и позитивно, как процесс, позволяющий формировать различные защитные механизмы, к примеру, механизм адаптации к существующей реальности или обособления от социального окружения как путь к самоидентификации человека, к раскрытию в нем индивидуальных характеристик.

Таким образом, отчуждение является одним из условий социального функционирования, и, тем самым, постоянно присутствует в структуре социальной реальности. В связи с этим возникает вопрос о возможности ликвидации отчуждения и способах его преодоления. Здесь можно согласиться с Г. С. Киселевым, который выделял различные виды отчуждения в связи с этой проблемой: «...определенные виды отчуждения следует признать врожденной и непреходящей чертой социальности, другие же имеют исторический характер: они появляются и в свое время отмирают»⁷⁵.

На наш взгляд, отчуждение как феномен преодолеть невозможно, снятию подлежат лишь определенные формы отчуждения, возникающие в ходе истории.

⁷⁵ Киселев Г. С. Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия / Г. С. Киселев. – М.: Наука, 1999. – С. 12.

В информационном обществе социальное отчуждение как процесс представляет собой соединение двух взаимосвязанных компонентов: разрушения механизма свободной коммуникации и возрастания власти техники над человеческой личностью.

Во второй половине XIX – начале XX вв. возникают качественно новые подходы к изучению категории отчуждения. Одним из наиболее значимых в данном контексте является социальный подход, реализуемый представителями Франкфуртской школы. В их концепциях отчуждение человека обусловлено социальными факторами и проявляется на уровне социальной сферы. Предметом исследования, таким образом, становится социальное пространство, его закономерности, структура социальных отношений.

Представители Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер исследуют проблему отчуждения сквозь призму положения человека в мире. Высвободившись из природного мира, человек начинает воспринимать мир как объект для воздействия и господства. Результатом такого отношения становится отчуждение: «Господство оплачивается не просто отчуждением человека от порабощаемых им объектов: с овеществлением духа заколдованными становятся и отношения самих людей, и даже отношение единичного к себе самому. Последний сморщивается до размеров узлового пункта конвенциональных реакций и способов функционирования, объективно от него ожидаемых»⁷⁶.

Отчуждение, как и самоотчуждение, рассматривается в системе социальных отношений, выстроенных на основе господства и подчинения. С появлением такого типа отношений, возникает соответствующий тип общества, характеризуемый замещением индивидуального на стереотипное, высокой степенью объективизации и подавления индивидов. В таком обществе разрываются связи между людьми, запускается процесс атомизации, возникает отчужденные и овеществленные отношения, препятствующие подлинному общению.

⁷⁶Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М – СПб.: Медиум – Ювента, 1997. – С. 44.

Преодоление отчуждения и возвращение человеком своей собственной сущности в обществе фетишизации товаров практически невозможно: «...сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен самостоятельно жить правильно, не в состоянии правильно реализовать свое собственное предназначение. Мир устроен теперь так, что даже простое требование честности, порядочности неизбежно вызывает у человека чувство протеста»⁷⁷.

Возникновение нового типа общества, развивающегося в условиях технического прогресса, приводит к возникновению новой социальной реальности. Еще один представитель Франкфуртской школы, Г. Маркузе, говорит о социальной реальности, основанной на обществе потребителей, отличительной чертой которых является одномерность: «Понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И это отождествление - не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах»⁷⁸.

Негативность развития индустриального общества, по словам Маркузе, заключается в возрастании иррациональности целого, дегуманизации, постоянной угрозы войн, чрезмерной производительности. Все это способствует формированию стандартных потребностей, которые привязывают человека к современному обществу. В потребность также превращается неумеренное потребление.

Общество становится тоталитарным, поскольку исключает возможность критического подхода. Господство распространяется на все сферы человеческого существования и под маской изобилия и свободы уничтожает любую оппозицию и альтернативы. Но, помимо этого, основная масса людей не считают себя

⁷⁷Адорно Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – С. 191.

⁷⁸Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе.: М.: REFL – book, 1994. – С. 21.

угнетаемыми, поэтому не стремятся освободиться: «Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами. Ибо рабство определяется не мерой их покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи»⁷⁹. Таким образом, человек теряет возможность автономного существования, поскольку действует в интересах социальной системы и даже не осознает этого.

Развивая идеи К. Маркса, Г. Маркузе пишет и об отчуждении труда, которое происходит вследствие увеличения разделения труда: «И чем более специализируется разделение труда, тем более отчужденным он становится. Люди живут не своей собственной жизнью, но исполняют предустановленные функции. Время их работы, отнятое у реализации их потребностей и способностей, – отчужденное время. Труд, как и ограничения, налагаемые на либидо, стал всеобщим. А время, на него затраченное и занимающее большую часть жизни индивида, наполнено страданиями, ибо отчужденный труд, лишенный удовлетворения, отрицает принцип удовольствия»⁸⁰. Такой механизированный труд становится изнуряющим, отчуждающим рабством для человека.

В своих рассуждениях Маркузе делает вывод, что избавиться от отчуждения невозможно, поскольку: «ни технологический прогресс, ни завоевание природы, ни рационализация человека и природы не смогли и не смогут устранить необходимость отчужденного труда, необходимость механической, лишенной удовольствия работы, не обещающей индивиду никакой самореализации»⁸¹. Однако стоит заметить, что речь здесь идет только об отчуждении труда.

Таким образом, определяя отчуждение как категорию социальной реальности, представители Франкфуртской школы не уделяют достаточно внимания способам преодоления отчуждения, акцентируя внимание на характеристике самой проблемы.

⁷⁹ Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе.: М.: REFL – book, 1994. – С. 43.

⁸⁰ Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. Киев, 1995. – С. 39.

⁸¹ Там же. – С. 59.

Несколько иной подход к проблеме отчуждения мы находим у Э. Фромма. Он характеризует современную ситуацию следующим образом: «Людьми управляют экономические кризисы, безработица, войны. Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умиловить или по возможности перехитрить»⁸².

Возникшее чувство изоляции и беспомощности, по словам Фромма, усугубляется в связи с изменившимся характером взаимоотношений между людьми. Взаимодействие приобретает манипулятивный характер, отдельный человек используется как средство: «Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей»⁸³. В описании данного проявления отчуждения мы можем найти предпосылку выделения его в качестве отдельного вида отчуждения – отчуждения в процессе социальной коммуникации.

Еще одним важным моментом изменения процессов коммуникации, безусловно, является отчуждение от себя: «...ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе»⁸⁴. Отчуждение от себя заключается, согласно Фромму, в отношении человека к своему «Я» как к рыночному товару, который человек стремится продать. Ценность человека, его уверенность в себе становятся отражением того, что о нем думают другие.

Помимо отчуждения от себя Э. Фромм выделяет и другие виды отчуждения: отчуждение от труда, отчуждение от государства, отчуждение от других людей. В общем виде Фромм определяет отчуждение как способ общественного бытия, при котором человек теряет связь как с самим собой, так и

⁸²Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. М.: Прогресс, 1990. – С. 105.

⁸³ Там же. – С. 107.

⁸⁴ Там же. – С. 107.

с другими людьми. Находясь в некой изоляции, будучи отчужденным и от себя, и от других людей, человек становится орудием внешних целей. Это состояние Фромм называет негативной свободой и характеризует следующим образом: «такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению новому рабству»⁸⁵. Позитивной же свободой Фромм называет полную реализацию способностей индивида, которая дает ему возможность жить активно и спонтанно.

Спонтанная деятельность является ключом к достижению позитивной свободы: «...позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека»⁸⁶. Под деятельностью Фромм подразумевает деятельность творческую, проявляющуюся в эмоциональной, интеллектуальной и чувственной жизни человека. Спонтанная активность проявляется довольно редко, Фромм приводит в пример художников и детей, однако она представляет собой единственный способ преодолеть страх одиночества, и, соответственно, отчужденность существования человека, «...ибо спонтанная реализация его сущности снова объединяет его с миром – с людьми, природой и самим собой. Главная, важнейшая составная часть такой спонтанности – это любовь, но не растворение своего «я» в другом человеке и не обладание другим человеком. Любовь должна быть добровольным союзом с ним, на основе сохранения собственной личности»⁸⁷. Однако подробное рассмотрение каждого из видов отчуждения является самостоятельным объектом изучения, в рамках данного исследования мы считаем нужным остановиться на изучении отчуждения в его связи с процессами трансформации коммуникации.

Проанализировав концепции некоторых представителей Франкфуртской школы, мы приходим к заключению, что оперируя категорией отчуждения, разработанной К. Марксом, они изменяют ее содержание, акцентируя внимание на исследовании социальных процессов в индустриальном обществе. Отчуждение человека возникает в рамках социальной сферы, что позволяет сделать объектом

⁸⁵ Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. М.: Прогресс, 1990. – С. 224.

⁸⁶ Там же. – С. 215.

⁸⁷ Там же. – С. 217.

исследования как отдельного индивида, так и структуру социальных отношений в целом. При анализе различных форм отчуждения был выявлен онтологический характер данного феномена, поскольку отчуждение является атрибутом бытия человека, лишенного каких-либо сущностных характеристик.

При анализе категории отчуждения в качестве основополагающих были выявлены психологические, личностные и социальные аспекты отчуждения. Основной характеристикой отчуждения было признано наличие в мировосприятии человека определенных доминирующих принципов: чувства бессилия, представления о бессмысленности существования, исключения человека из системы социальных связей и отношений, осознание индивидом утраты своего подлинного «Я». Все эти аспекты отчужденного состояния человека получили развитие в философии экзистенциализма, также внесшей свой вклад в развитие представлений об отчуждении.

С точки зрения экзистенциалистов, человек оказывается в ситуации незнания и непонимания мира, в который он заброшен и, как следствие, приходит в отчаяние и оказывается чуждым как в отношении этого мира, так и в отношении своего места в нем. Отчуждение, таким образом, предстает как субъективный феномен человеческого бытия и как социальный процесс, результатом которого становится враждебность человека по отношению к обществу. Рассматривая отчуждение как сущностную характеристику жизни человека в обществе, экзистенциалисты стремятся показать всю сферу существования отчужденного индивида и его борьбу с состоянием отчужденности.

Ж.-П. Сартр, представитель французского экзистенциализма, исходит из положения, что существование человека предшествует его сущности. По сути, это означает, что человек станет таким, каким он сам себя сделает: «если существование действительно предшествует сущности, то человек ответственен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за

существование.»⁸⁸. Человек у Сартра «осужден на свободу», так как он вправе совершать любое действие и отвечает за его последствия.

В качестве основной формы отчуждения Сартр называет самоотчуждение, когда происходит утрата человеком собственной субъективности, т. е. экзистенции. Преодоление отчуждения заключается, прежде всего, в преодолении человеком трагизма своего существования и поиске своего «Я»: «Человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога. В этом смысле экзистенциализм – это оптимизм, учение о действии»⁸⁹.

Высшая степень отчуждения проявляется в полном самоотчуждении человека с осознанием абсурдности бытия. Об этом пишет А. Камю, по мысли которого жизнь человека, в сущности, не имеет смысла. Жизнь человека – это абсурд, первый знак которого – «состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий и сердце впустую ищет утерянное звено»⁹⁰. Камю отмечает, что лишь в бунте человек становится человеком: «Бунт направлен не на разрушение, а на частичное улучшение космического порядка»⁹¹. Именно в бунте человек отстаивает целостность своей личности. Однако ценностью является не отдельный индивид, а все люди. И, именно в бунте, человек, преодолевает свою ограниченность и сближается с другими людьми.

Для экзистенциализма характерно противопоставление человеческой личности и чуждого ей общества. Подобный подход приводит к концентрации внимания на индивидуальных состояниях, чувствах человека и межличностным отношениям как основе построения философской теории. При изучении механизмов функционирования общества, такой подход, по всей видимости, не может претендовать на истинность и эффективность, однако для исследования феномена отчуждения невозможно не учитывать индивидуальное существование,

⁸⁸ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989. – С. 321.

⁸⁹ Там же. – С. 332.

⁹⁰ Камю А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1999. – С. 87.

⁹¹ Там же. – С. 21.

поскольку сама возможность отчуждения задается, на наш взгляд, присутствием в этом мире отдельного человека и его взаимодействием с окружающей средой.

В связи с этим, важной в рамках данного исследования является связь отчуждения с неподлинным существованием человека, которое отождествляется с анонимностью мира. Анонимность предполагает отказ от своей субъективности, предлагает человеку стать «как все». О таком неподлинном существовании пишет М. Хайдеггер, указывая на связь субъективного бытия человека с вещественностью. Когда вещественность выходит на первый план, бытие человека становится неподлинным⁹². Это повседневное бытие присутствия М. Хайдеггер называет *das Man*: «В этом успокаивающем, всё «понимающем» сравнении себя со всем присутствие скатывается к отчуждению, в каком от него таится самое свое умение быть. Падающее бытие-в-мире как соблазнительно успокаивающее вместе с тем отчуждающе»⁹³.

Анализ Хайдеггером бытия-в-мире служит фоном для его критики объективации или овеществления: «Можно обобщенно выразить основную интуицию Хайдеггера следующим образом: мир нам не дается как нечто, существующее до того, как мы вступили с ним в связь – по факту, как бы в знании или действии. Как существа, которые «ведут жизнь», мы всегда обнаруживаем себя уже действующими в нем; мы постоянно соотнесены с ним практически. По этой концепции мир не является совокупностью отношений между объектами и совокупностью этих объектов; он, как говорит Хайдеггер, не является «тотальностью сущностей». Мир экзистенциалистской онтологии – это контекст, который возникает в наших практических отношениях с ним, в наших практических «творениях» мира»⁹⁴.

Отчужденные отношения, следовательно, представляют собой ситуацию, в которой человек даже по отношению к себе становится «другим», а его индивидуальность растворяется в царящей в обществе усредненности. Вырваться

⁹² Балаш А. Н. Мартин Хайдеггер и спор о подлинности в культуре XX века / А. Н. Балаш // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – Том 18, Вып. 3. – С. 86-94.

⁹³ Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: AdMarginem, 1997. – С. 178.

⁹⁴ Jaeggy R. Alienation. New directions in critical theory / R. Jaeggy. - New York. – Columbia university press, 2014. – P. 29.

из этого состояния возможно лишь с помощью «экзистенциального страха», который основан на страхе смерти. Экзистенциальный страх является единственным средством, которое способно вырвать человека из рамок обыденности.

Таким образом, отчуждение рассматривается представителями экзистенциализма сквозь призму человеческого существования. Экзистенциалисты указывают на корреляцию отчуждения с чувством экзистенциальной заброшенности, бессмысленности существования, помещая в центр своих рассуждений переживания человека. Феномен отчуждения представляет собой, с одной стороны, субъективное состояние, но также социальный процесс, результатом которого становится противостояние между обществом и человеком. Также отчуждение связано с неподлинным бытием, что означает ситуацию покинутости сущего бытием, поэтому преодоление отчуждения для экзистенциалистов связано с преодолением разорванности человеческого бытия. Важным открытием, совершенным в философии экзистенциализма, является проблематизирование обезличенности человеческих отношений и их дистанцированности от человеческой личности.

На основе проведенного анализа, представляется возможным сформировать следующее определение отчуждения: отчуждение представляет собой феномен социальной реальности и социальный процесс, результатом которого становится утрата индивидом его сущностных характеристик на одном из уровней социального взаимодействия. Таким образом, отчуждение проявляет себя во всех формах и на всех уровнях социального взаимодействия.

В ходе исследования отчуждения как структурирующего элемента социальности мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, с появлением категории отчуждения возникает необходимость ее осмысления в контексте структуры социальной реальности. Определяющую

роль в этом играет коммуникативный аспект отчуждения, проявляющийся в проблеме социального взаимодействия и самоидентификации.

Во-вторых, снятию подлежат лишь определенные формы отчуждения, возникающие в ходе истории, отчуждение как феномен включено в структуру социальности, являясь ее неотъемлемым элементом.

В-третьих, в XX веке появляется множество различных трактовок феномена отчуждения. Общим для них является понимание отчуждения как категории социальной реальности. Открытым для исследования по-прежнему остается вопрос о возможности целостного осмысления феномена отчуждения.

§3. Интегральная целостность феномена отчуждения

Исследование различных аспектов отчуждения приводит к необходимости построения целостной теории отчуждения в современном обществе, которое возможно посредством обращения к феномену творческой деятельности. Однако для того, чтобы выстроить подобную теорию, необходимо проанализировать, в каких формах отчуждение существует в обществе и как оно проявляет себя в процессе творчества. В данном контексте представляется возможным обратиться к основным формам, в которых может быть осмыслено творчество: процессу творческой самореализации, диалогу, как имманентной основе творчества и творческой деятельности, как особому способу бытия человека в социуме.

В этом случае, типология социального отчуждения, разработанная А. В. Харламовым: внутриличностное отчуждение, межличностное, внутригрупповое, межгрупповое и общесоциальное – должна быть изменена в соответствии с общей установкой данного исследования на проблематизирование целостности феномена отчуждения через обращение к творчеству. Исходя из этой установки, первым типом отчуждения будет внутриличностное, связанное с самоидентификацией, далее, межличностное, проявляющееся в процессе коммуникации, и, наконец, общесоциальное отчуждение, включающее процессы атомизации, массовизации и маргинализации. Указанные типы отчуждения объединяются в творчестве и оборачиваются, в конечном итоге, отчуждением самого творчества как особого способа бытия человека.

Используя данную типологию отчуждения, мы анализируем формы, которые оно может принимать, опираясь на установки персонализма и постструктурализма, рассматривая человека как часть общественной структуры, с одной стороны, и как творящую личность, с другой. Творчество, в данном случае, становится механизмом, выводящим человека за пределы структуры.

В рамках постструктурализма феномен отчуждения рассматривается в контексте отношений власть-подчинение, а так же в соотнесении с проблемой знаковой реальности. Призыв М. Фуко к освобождению от гнета власти

посредством «практик себя», «заботы о себе» отсылает к необходимости самосозидания субъекта. Власть становится силой, определяющей поведение индивидов в обществе. Понятие нормы, устанавливаемое обществом, становится тем механизмом самоотчуждения человека, который позволяет установить границы, а значит вписать человека в систему власти.

М. Фуко иллюстрирует этот процесс на примере истории безумия: когда появляются психиатрические больницы, автоматически проводится грань между нормой и патологией, тогда как безумие, по сути, открывает перед человеком его сущность, о которой он уже не может говорить, поскольку перешел границу и оказался во власти болезни: «Каждая культура создает из болезни образ, характер которого очерчивается всеми вытесняемыми или подавляемыми ею антропологическими возможностями».⁹⁵ По мысли Фуко, в отношении к безумию каждое общество и каждая культура выражают собственное содержание, которое по каким-то причинам не желают признавать, закрепляя за больным статус девианта.

На основе идеи о сменяющихся друг друга формах безумия, которые отражают особенности современного им типа культуры, Фуко создает четкую классификацию интерпретаций безумия в одной из своих ранних работ «Психическая болезнь и личность»:

- 1) безумец как одержимый (до конца XVII в.);
- 2) безумец как безрассудный, помешанный (XVII-XVIII вв.);
- 3) безумец как лишенный ума и прав (XVIII-XIX вв.);
- 4) безумец как отчужденный и чужак, как сумасшедший (XIX-XX вв.)⁹⁶

Понимание безумца как чужака (*aliéné*) ведет к признанию за психической болезнью статуса механизма отчуждения. Безумец утрачивает высшую способность человека – свободу.

Таким образом, отчуждение принимает форму безумия – патологии, которая исключает человека из определенных социальных структур, которые ранее

⁹⁵ Фуко М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. – С. 166.

⁹⁶ Там же. – С. 25-26.

поддерживали его «нормальное» функционирование в качестве части целого. Психическая болезнь становится процессом непрерывного отчуждения. Фуко иллюстрирует это в «Истории безумия» на примере изгнания из общества, которое порождает практику изоляции. Изоляция в данном случае предполагает искусственное конструирование обществом некоего образа «чужого», наделение его определенными характеристиками, соответствие которым автоматически делает человека «чужаком», изолирует его от «нормальной» части общества.

Таким образом, практика изоляции не только описывает становление форм безумия, но и формирует их: «Сначала в сознании людей безумцы и маргиналы приобретают пограничное положение (отчасти вследствие формирования образа корабля дураков, отчасти благодаря подмене темы смерти темой безумия). Далее понятие безумия получает культурное измерение, выступив сюжетом для литературных произведений, красочно проиллюстрированных в изобразительном искусстве. И, наконец, безумие обнаруживает в себе животное начало, представляясь теперь противоречивым по своему содержанию: его дикость и необузданность вступают в противоречие с эзотерическим знанием, всегда ему (безумию) присущим»⁹⁷. В эпоху Возрождения безумие становится, по сути, основной формой познания, поскольку опыт Средневековья показал, что абсурдный мир познается только абсурдным человеком.

С точки зрения развития культуры, отчуждение не отчуждается, а развивается, для того чтобы снять себя. Безумие человека – защита перед лицом безумия мира и, что самое парадоксальное, – неосознанный путь к осознанию, безумная дорога к сознательности.

Еще одним важным аспектом в исследовании проблемы внутриличностного отчуждения в современном обществе является феномен виртуальной реальности и киберпространства, отсылающий к деятельности субъекта в виртуальном пространстве. В работах Ж. Делеза⁹⁸ для описания нового типа реальности используется термин «ризома», для которого характерны «принципы соединения

⁹⁷ Билибенко А. В. Эпистемология болезни Мишеля Фуко: безумие как истина человека / А. В. Билибенко. – Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. – С. 33.

⁹⁸ Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.

и неоднородности: любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке»⁹⁹.

Виртуальное пространство представляет собой некую разветвленную, самовоспроизводящуюся структуру, находящуюся в постоянном движении. Субъект, помещенный в подобную среду, сталкивается с новыми возможностями в сфере коммуникации и саморепрезентации. Виртуальное измерение появляется даже у человеческого тела, которое, в терминологии Делеза, трансформируется в тело без органов, в котором нет ничего от реального тела, которое есть чистая поверхность.

Деятельность в виртуальном пространстве может быть охарактеризована как бесконечное движение, скольжение по поверхности, переход от одной точки к другой: «Мир киберпространства – мир номадической реальности, реальности ускользания, реальности, где отсутствует репрессивный надзор. Единственный смысл такой реальности – просто скользить по поверхности, в пространстве образов»¹⁰⁰.

Таким образом, саморепрезентация и самоидентификация субъекта в виртуальной реальности оборачиваются ризоморфным движением, а деятельность становится симулированием самой себя, не приводя субъекта данной деятельности к реальному продукту. Следовательно, отчуждение в пространстве виртуального принимает форму симулятивности, которая распространяется на все сферы социального функционирования, начиная с уровня самоидентификации и заканчивая коммуникацией и деятельностью в целом.

Установки персонализма дополняют выстраиваемую в данном исследовании систему, поскольку говорить об отчуждении, на наш взгляд, можно только с опорой на персоналистическую традицию. Персонализм вносит существенный вклад в решение проблемы противоречия между личным и

⁹⁹ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – С. 12.

¹⁰⁰ Барановская М. В., Малкин В. М. «Капитализм и шизофрения», и киберпространство / М. В. Барановская, В. М. Малкин // Перспективы науки и образования, 2015. – № 6 (18). – С. 70.

социальным, утверждая человека в качестве действующей, творящей личности в противовес абстрактному понятию субъекта.

Личность для персоналистов¹⁰¹ становится онтологической категорией, важнейшим свойством которой является непрекращающаяся деятельность. Формы, в которых эта деятельность проявляется, а именно: интериоризация, экстериоризация и трансценденция, – соответствуют выделенным нами ранее формам, в которых проявляется отчуждение.

Интериоризация подразумевает рефлексивную, самоидентификационную – деятельность, направленную на упорядочение внутреннего мира. Экстериоризация сопряжена с самоутверждением человека в мире, установлением определенного отношения между человеком и внешней реальностью. Процесс трансцендирования предполагает наличие некоей высшей реальности, с которой человек себя соотносит, выходя за рамки индивидуального существования. По мысли Э. Мунье, в трансцендировании человек преодолевает себя, становясь личностью, способной на подлинную коммуникацию, устремленной к миру: «Принцип преодоления является силой, тесно соединяющей принцип экстериоризации и принцип интериоризации и не дающей интериоризации превратиться в субъективизм, а экстериоризации в вещизм»¹⁰².

Индивидуалистический анархизм М. Штирнера¹⁰³, напротив, делает центром философского исследования уникального индивида, главным интересом которого является упрочнение своего внутреннего Я, направленность на себя, а не на окружающий мир. Штирнер считает, что свобода реализуется через присвоение – расширение своего Я в мире, реализуется посредством экзистенциальной экспансии, но не направленностью своего Я в окружающий мир, не способностью видеть внешнее в качестве непознанного, разнообразного, прекрасного, вечного.

¹⁰¹ Орнатская Л. А., Лузина Т. И. Идея духовности в философском персонализме: М. Шелер, Н. Бердяев, Э. Мунье / Л. А. Орнатская, Т. И. Лузина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2014. – С. 121-132.

¹⁰² Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – М., 1999. – С. 39.

¹⁰³ Поляков Д. Б. Личность в анархо-индивидуалистической интерпретации М. Штирнера / Д. Б. Поляков // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2013. – С. 21-24.

В качестве уникального индивида человек обладает всем, что может присвоить: «Я выхожу из «творческого ничто» и возвращаюсь в него, и, пока я существую, я озабочен исключительно собой. Я должен стремиться к выражению своей уникальной индивидуальности, не допуская порабощения или притеснения со стороны любой высшей власти, будь то Бог или государство, или абстракции, вроде Человечества или всеобщего Морального Закона. Подчинение таким фиктивным сущностям ослабляет мое чувство собственной уникальности».¹⁰⁴ Эгоистическая философия Штирнера интересна и значима в той мере, в какой она представляет собой протест конкретной человеческой личности против поклонения коллективности или некой абстракции. Радикальная позиция М. Штирнера иллюстрирует общую тенденцию в философии XX века, вскрывающую те условия социальной реальности, в которых оказывается индивид.

Понятие структуры в данном контексте наделяется особым значением, поскольку структура – это всегда нечто, ограничивающее человека, и наделяющее его определенными функциями. Отчуждение в рамках структуры может быть направлено как на изоляцию человека (атомизация), так и на растворение его в структуре целого (массовизация). Развивая тему социальной реальности как поля взаимодействия индивидов, необходимо выделить несколько аспектов этого взаимодействия.

Прежде всего, необходимо определить термин «атомизация». Что подразумевает процесс атомизации, и какова в этом процессе роль отчуждения? Термин «атомизация» определяется как разрыв социальных связей между индивидами. К этому ведет, в том числе, замена горизонтальных связей вертикальными. Об этом в своей книге «Общество – казарма. От фараонов до наших дней»¹⁰⁵ пишет Е. Н. Стариков. Он выделяет три типа интеграции социума: реципрокация, редистрибуция и товарно-денежный обмен.

¹⁰⁴Коплстон Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон. – М.: Республика, 2004. – С. 344.

¹⁰⁵ Стариков Е. Н. Общество – казарма. От фараонов до наших дней / Е. Н. Стариков. – Новосибирск.: Сибирский хронограф, 1996. – 419 с.

Реципрокация означает такой вид интеграции, при котором происходит добровольный обмен материальными благами и услугами между равноправными членами общества. Это наиболее ранний тип интеграции. Для него характерны горизонтальные связи между индивидами. Ценность такого типа интеграции заключается в том, что между ее участниками устанавливается прочная эмоциональная связь. Реципрокация определяется как базисная форма существования общества, поскольку она в той или иной степени проявляется в каждую эпоху развития человечества.

Еще один тип интеграции социума – редистрибуция. Данный тип интеграции предполагает неэквивалентный вертикальный товарообмен. Происходит принудительное изъятие центральной властью прибавочного продукта с целью его дальнейшего натурального распределения. При таком типе интеграции происходит иерархизация общества, появление отношений эксплуатации и имущественного неравенства. По словам Старикова, редистрибуция является мощнейшим стимулом к появлению государства.

Наконец, третий тип социальной интеграции – это товарно-денежный обмен. Стариков определяет его следующим образом: «Товарно-денежный обмен – это добровольный, горизонтальный (товар – всеобщий левеллер), основанный на законе стоимости, т. е. эквивалентный обмен между суверенными субъектами-товаровладельцами, облакающий отношения людей в безлично-вещную форму».¹⁰⁶

В связи с этим необходимо отметить, что реципрокация является своего рода основой морально-этических отношений. Следовательно, снижение роли реципрокации в жизни общества ведет к кризису морали и деградации самого общества. Это возвращает нас к определению атомизации как разрыву горизонтальных связей в обществе, поскольку реципрокация как раз и представляет собой данный вид общественных связей.

¹⁰⁶ Стариков Е. Н. Общество – казарма. От фараонов до наших дней / Е. Н. Стариков. – Новосибирск.: Сибирский хронограф, 1996. – С. 14.

Атомизацию, таким образом, можно определить как негативное для общества явление. А. С. Новиков в статье, посвященной роли атомизации в становлении массового общества, отмечает, что процесс атомизации рассматривается, как правило, в двух аспектах. Прежде всего, это связь атомизации и тоталитаризма, а также связь атомизированного общества с анархией, безвластием. Анархическая тенденция общественного развития означает потерю структуры и массовизацию общества.

В связи с этим, важным является исследование взаимосвязи процессов атомизации и массовизации в рамках тоталитарной системы, проведенное Х. Арендт. Тоталитарные тенденции, по словам Арендт, возникают в обществе, в котором движущей силой становятся не классы, а массы: «Тоталитарные движения возможны везде, где имеются массы, по той или иной причине приобретшие вкус к политической организации»¹⁰⁷.

Понятие «массы», по словам Арендт, может быть использовано в случае, когда люди не могут быть объединены в какую-либо организацию на основе общего интереса: «Массы держит вместе не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, ограниченных и достижимых целях»¹⁰⁸. Арендт дает следующую характеристику человеку массы: «Истина в том, что массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества, конкурентная структура которого и сопутствующее ей одиночество индивида сдерживались лишь его включенностью в класс. Главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений»¹⁰⁹. Таким образом, и атомизация, и массовизация характеризуются распадом социальных связей.

С. Московичи также отмечает, что в тоталитарном обществе массовизация проявляется в утрате коммуникативной связи между членами данного общества: «По существу, изучение наших систем власти по тому, какие разговоры они

¹⁰⁷ Арендт Х. Массы и тоталитаризм / Х. Арендт // Вопросы социологии, 1992. – Т. 1., № 2. – С. 24.

¹⁰⁸ Там же. – С. 24.

¹⁰⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 422.

культивируют или запрещают, было бы одним из наиболее увлекательных, – этому социологи или психологи наших дней могли бы посвятить свои таланты скорее, чем многим исследованиям, предпринятым на самом деле. За критерий принимается: государство, в котором не говорят просто для того, чтобы говорить, является государством, где мало говорят, страной, где каждый подвластен печально известному изречению: «Молчите, осторожно, стены имеют уши»¹¹⁰.

Подобное проявление массовизации показывает, что коммуникация играет важную роль в укреплении социальных связей, если не сказать больше, определяет существование этих связей. Похожие рассуждения о проявлении атомизации в социальной структуре встречаем и у Х. Арндт: «Восстание масс против «реализма», здравого смысла и всех «вероятностей мира» (Бёрк) было результатом их атомизации, потери ими социального статуса и всего арсенала коммуникативных связей, в структуре которых только и возможен здравый смысл»¹¹¹.

Таким образом, можно выделить два противоположных процесса в общественном развитии: атомизацию и массовизацию, которые, в сущности, взаимодополняют друг друга, отражая современное состояние общества. Подробную характеристику этому состоянию дает Э. Фромм: «Пассивность человека это только один симптом на фоне общего синдрома, который можно назвать «синдромом отчуждения». Будучи пассивным, он не связывает себя с миром активно и вынужден подчиняться своим идолам и их требованиям. Поэтому он чувствует себя беспомощным, одиноким и встревоженным. Он не обладает достаточным чувством целостности или самоидентичности. Подчинение представляется ему единственным способом избежать невыносимой тревожности, и даже подчинение не всегда ослабляет его тревожность»¹¹².

Нужно отметить, что атомизация не является простым уравниванием граждан перед лицом власти, трансформации подвергаются все сферы жизни

¹¹⁰ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – С. 146.

¹¹¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 465.

¹¹² Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. – М.: Айрис – пресс, 2005. – С. 60.

общества. На примере советского общества мы можем наблюдать, каким образом произошла подобная трансформация. Х. Арендт следующим образом характеризует этот процесс: «Если тоталитаризм воспринимает свою конечную цель всерьез, он должен дойти до такой точки, где захочет «раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры», т. е. с независимым существованием какой бы то ни было деятельности, развивающейся по своим законам»¹¹³. Любители «шахмат ради шахмат», которых сравнивали с любителями «искусства для искусства» – это те люди, которые еще не до конца подверглись влиянию процессов атомизации в массовом обществе. Подобный пример наглядно демонстрирует сущность массового общества, основной характеристикой которого Х. Арендт называет его разрозненное единообразие, что является главным условием торжества тоталитаризма.

Исследование соотношения атомизации и массовизации приводит к проблеме соотношения индивидуального и коллективного. В данной работе предлагается решение данного вопроса с позиции философии диалога. В отношении современного общества можно говорить о двух типах жизнепонимания – современном индивидуализме и современном коллективизме.

Ни один из этих типов не является приоритетным, поскольку оба они, по сути, представляют собой различные стадии одиночества. «Если индивидуализм познает лишь часть человека, то коллективизм знает человека только в качестве части: к целостности человека, к человеку как таковому не прорываются ни индивидуализм, ни коллективизм. Индивидуализм видит человека в его соотнесенности с самим собой, коллективизм же вообще не видит *человека*, он рассматривает лишь «общество». В индивидуализме лицо человека искажено, в коллективизме оно закрыто»¹¹⁴.

¹¹³ Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. – М.: Айрис – пресс, 2005. – С. 428 – 429.

¹¹⁴ Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 90.

Человек, находясь в состоянии «космической и социальной бездомности»¹¹⁵, испытывает гипертрофированное чувство страха перед чуждым ему миром. Индивидуализм, в данном случае, является первой реакцией человека, который, в отчаянной борьбе с одиночеством, начинает прославлять это самое одиночество. Он подчиняется этому состоянию, погружается в него, используя в качестве инструмента воображение.

Второй реакцией человека на ситуацию одиночества является коллективизм. В коллективизме человек стремится полностью включиться в какую-либо группу или организацию. Важным фактором, влияющим на принятие подобного решения, является исчезновение собственной ответственности, которая заменяется коллективной ответственностью. Коллектив, таким образом, дает человеку гарантии безопасности. Он перестает чувствовать себя одиноким, перед собой он видит не вселенную, а технизированную природу, которая кажется покоренной обществом.

Потребность человека быть частью группы не отличается новизной, однако характер этой принадлежности также трансформировался. Раньше, для того, чтобы вступить в определенную группу, необходимо было обладать набором определенных качеств и характеристик, теперь же человеку достаточно обладать каким-то одним качеством. Яркий пример тому, группы в социальных сетях, объединяющие людей по самым разным, часто абсурдным, характеристикам.

М. Бубер пишет, что сфере коллективного нет места воображению, поскольку в нем господствует реальность, однако тут же добавляет, что, по сути, современный коллективизм иллюзорен. Следующая за этим мысль вскрывает связь между атомизацией и трансформирующейся коммуникацией: «Присоединение личности к надежно функционирующему «целому» осуществилось, однако оно не является соединением человека с человеком. Существование человека в коллективе не равнозначно существованию человека в

¹¹⁵ Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 90.

общении с другим человеком»¹¹⁶. Человек утратил в этом процессе важнейшую составляющую своего бытия – связь с другим человеком: «Массовый человек не видит в другом ничего, кроме собственного отражения»¹¹⁷.

Коллективизм, таким образом, вовсе не избавляет человека от одиночества. Оно прочно вплетено в его структуру, оставаясь непреодоленным. Бубер приходит к выводу: «Современный коллективизм – это последний барьер, который возводится человеком на пути встречи с самим собой»¹¹⁸.

Эти рассуждения приводят к мысли о необходимости третьего пути, третьего типа жизнепонимания. М. Бубер видит его в опыте встречи с другим, в постижении другого в его инаковости. Подобный прорыв к другому повлечет за собой избавление от одиночества и, наконец, встречу с самим собой. Этот процесс, по М. Буберу, возможен лишь как результат потрясения. Лишь результатом бунта станет освобождение отношений с другими людьми.

Состояние взаимодействия с другими – «человек с человеком», как его называет Бубер, является основополагающим фактом человеческой экзистенции. Определяя характер этого взаимодействия, Бубер прибегает к мистическому «что – то», которым характеризует следующим образом: «Это что-то коренится в том, что одно существо, отличающееся от другого конкретного существа, имеет в виду другое существо для того, чтобы общаться с ним в сфере общей для них, но вместе с тем выходящей за пределы их собственных областей. Эту сферу <...> я называю сферой «между». Она является изначальной категорией человеческой действительности»¹¹⁹.

Сфера «между», несмотря на свою неопределенность, иллюстрирует новый тип взаимодействия, новый тип миропонимания. «Между» – это место и носитель межчеловеческой событийности. Нечто мимолетное и неуловимое таит в себе встреча Я и Ты в сфере «между»: «Бывают случаи, когда в полумраке оперного

¹¹⁶ Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 92.

¹¹⁷ Новиков А. С. Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» / А. С. Новиков // Теория и история, 2009. – №2 (16). – С. 192 – 197.

¹¹⁸ Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 92.

¹¹⁹ Там же. – С. 94.

театра между двумя зрителями, воспринимающими звук музыки Моцарта с одинаковой частотой и одинаковой интенсивностью, устанавливается едва видимая и притом простейшая диалогическая связь, которая исчезает, как только вспыхивает свет»¹²⁰.

Таким образом, сфера «между» есть путь, пролегающий за пределами индивидуализма и коллективизма, субъективного и объективного. Новое отношение, представляющее диалог Я и Ты, намечает перспективу для устранения последствий атомизации и массовизации общества, а значит, и снятия социального отчуждения.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться при рассмотрении вопроса о связи атомизации с трансформирующейся коммуникацией – это статус коммуникации в социальной системе. Было установлено, что процесс атомизации влечет за собой изменение социальных связей, следовательно, изменение коммуникации как условия существования этих связей. Для того чтобы определить место коммуникации в поле социального, мы считаем возможным обратиться к теории социальных систем Н. Лумана.

Исходным понятием в теории Н. Лумана¹²¹ является понятие системы как формы различения. Система включает в себя различение системы (как внутренней стороны формы) и окружающей среды (как внешней стороны формы): «Лишь обе стороны производят различение, производят форму, производят понятие. Таким образом, окружающая среда является для этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система. Форма в качестве различения является закрытой. Это означает, что все, что можно описать и наблюдать с помощью этого различения, относится либо к системе, либо к окружающей среде»¹²².

Еще одним важным положением теории систем является утверждение об оперативно закрытой аутопойетической системе. Данную характеристику Луман выводит из положения о том, что никакая система не может оперировать за

¹²⁰ Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 95.

¹²¹ Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – М.: Издательство «Логос», 2007. – 360 с.

¹²² Луман Н. Понятие общества / Н. Луман // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969> (дата обращения 20.01.2016).

своими границами. Далее необходимо определить, какие именно операции производят систему. Луман предлагает в качестве такой операции, которая будет производить и воспроизводить общественную систему из ее собственных продуктов, утвердить коммуникацию: «Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций»¹²³.

Подход Н. Лумана к социальности как системному свойству коммуникации позволяет увидеть возможность для объяснения социального отчуждения как сбоя в работе системы и окружающей среды: «Возникает ситуация отчуждения, в которой информационные технологии, разработанные для эффективной трансляции индивидуального и общественно-значимого смысла, искажают и узурпируют саму суть коммуникации как основы социальности, способствуя тому, что коммуникация начинает осуществляться исходя не из интересов человека, но из логики технического решения и интересов стоящих за ним сил»¹²⁴.

Таким образом, изучение процессов атомизации и массовизации в обществе приводит к выводу о том, что взаимосвязь атомизации и массовизации является причиной распада социальных связей в обществе. Подобная ситуация порождает изменение природы самой коммуникации, которая превращается в механизм распространения социального отчуждения. Под социальным отчуждением в данном случае понимается разъединение (или атомизация) индивидов в процессе социального взаимодействия. В качестве механизма снятия такого отчуждения может быть рассмотрен диалог как особый тип коммуникации, направленный на устранение последствий атомизации и укрепление социальных связей в обществе.

Исследование форм, которые принимает отчуждение, указывает на их взаимообусловленность и соотнесенность с деятельностью человека в социуме. Внутриличное, межличностное и общесоциальное отчуждение наиболее полно воплощаются в процессе творчества, формируя интегральную целостность

¹²³ Луман Н. Понятие общества / Н. Луман // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969> (дата обращения 20.01.2016).

¹²⁴ Православский С. С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе.: автореф. дис. канд. филос. наук / С. С. Православский. – Воронеж, 2015. – С. 7.

данного феномена в социальном пространстве. Для того чтобы проследить эту взаимообусловленность, необходимо обратиться к анализу творческой деятельности, ее механизмов и структуры.

Анализ основных форм отчуждения позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, формы, которые принимает отчуждение, зависят от социокультурных условий и связаны с различными аспектами социального взаимодействия.

Во-вторых, феномен отчуждения проявляется в контексте отношений власть-подчинение, а также в соотнесении с проблемой знаковой реальности, что позволяет рассматривать его как механизм изоляции и симулятивности.

В-третьих, в современном обществе отчуждение исследуется в его соотношении с творческой деятельностью, что позволяет говорить о возможности проблематизировать целостность феномена отчуждения в процессе творческой самореализации, в диалоге, как имманентной основе творчества и в творческой деятельности, как особом способе бытия человека.

В качестве общих выводов первой главы диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

1. Феномен отчуждения имплицитно присутствует в философском дискурсе на самых ранних этапах его развития. Получив категориальное оформление, к XX веку отчуждение становится предметом исследования не только в философии, но и в смежных областях научного знания.
2. В современном обществе отчуждение, наряду с коммуникацией, становится основополагающей категорией, присутствуя на всех уровнях социального взаимодействия.
3. Изучение отчуждения в современном обществе наиболее перспективно в контексте творческой деятельности, под которой понимается особый способ бытия человека.

Глава 2

Отчуждение в структуре творческой деятельности

§1. Структура творческой деятельности

Проблематика творчества, творческой деятельности является, с одной стороны, хорошо изученной, поскольку традиция философского осмысления творчества берет начало в эпоху античности. Однако, с другой стороны, к настоящему времени феномен творчества, будучи различными способами проинтерпретированным, тем не менее, не стал абсолютно понятным. Творчество, даже рассматриваемое с позиций строго рациональных, не приобретает от этого облик логичности и структурированности. В процессе исследования данного феномена философская мысль ветвилась и множилась, облекаясь в формы как рациональные, так и иррациональные, мистические или же экзистенциальные. С особенной остротой незавершенность исследований в области творческой деятельности ощущается сегодня, когда эта самая философская мысль вынуждена трансформироваться, отвечая запросам наступающей эпохи информационного общества.

Необходимо пояснить, что в философии понимается под термином «творчество». В новейшем философском словаре творчество определяется как «конструктивная деятельность по созданию нового. <...> Для современной философии характерна параллельная трактовка творчества, – с одной стороны, как сугубо интеллектуального феномена (Н. Гартман, Э. Гуссерль, А. Н. Уайтхед и др.), с другой – как экзистенциального феномена, лежащего в основе свободы личности (экзистенциализм)»¹²⁵. Следовательно, творчество, прежде всего, – это продуктивная деятельность, в отличие от репродуктивной, воспроизводящей что-либо по заданному образцу.

Исследование творчества следует начать с выявления возможных измерений данного феномена, неких смысловых узлов, которые станут каркасом

¹²⁵ Новейший философский словарь // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1202/ (дата обращения 01.12.2016).

для дальнейшей работы мысли. Основополагающими измерениями творчества являются онтологическое, социальное и гносеологическое. Онтологическое измерение творчества освещает вопрос о месте творчества в структуре бытия, о выполняемых им функциях. Творчество, представляя особый вид деятельности, определяет способ бытия человека в социуме, что позволяет сделать вывод о возможности присвоения творчеству статуса бытийного принципа.

Однако гипостазирование творческого процесса ведет к необходимости еще одного измерения – социального, поскольку встраивание творчества в структуру бытия подразумевает некий социологический контекст, который позволил бы соотнести творчество как процесс с субъектом данного процесса, что, в свою очередь, подводит нас к проблеме творческой самореализации индивида. Наконец, гносеологическое измерение творчества позволяет анализировать данный феномен в единстве субъекта и приписываемого ему способа бытия, включая, тем самым, в сферу его применимости не только художественное творчество, но продуктивную деятельность человека в целом.

Бытийная трактовка творческой деятельности, или онтологизация творчества, является отправной точкой в рамках данного исследования. В словаре социально-философских терминов мы находим важное уточнение на этот счет: «В философских концепциях бытия, вырастающих из опыта XX в., проблема творчества оказывается одной из самых важных. <...> Она рассматривается как проблема существования отдельного индивида (людей) в мире, как вопрос его личностного опыта, развития, жизни. Объектом творчества становится сам человек (конкретный индивид) в единстве с предметными условиями, формами общения и самореализации, которые ему необходимо воспроизводить или изменять, сохранять или обновлять»¹²⁶. Творчество, таким образом, становится не только продуктивной деятельностью, но и особым способом существования человека в мире.

¹²⁶ Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2003. – С. 440.

Феномен творчества становится объектом философской рефлексии, по большому счету, в тот момент, когда впервые возникает вопрос о первоначале бытия: из чего все? А соответственно, как возникает нечто новое, ранее не бывшее? Это позволяет начать исследование с раннегреческой натурфилософской традиции, представители которой задались данным вопросом. Проблему сотворения космоса ставит Фалес, первый представитель натурфилософии, и отвечает на него, объявляя первоначалом всего сущего воду. Подобная линия рассуждений о первоначале продолжается последователями Фалеса, обобщив размышления которых, можно говорить о проблеме возникновения нечего из ничто. Решение этой проблемы легло в основу трактовки творчества как божественного явления, божественное творчество есть акт творения космоса. В противовес божественному, существует творчество человеческое, воспринимаемое как искусство или ремесло.

В целом, в античной философии творчество не наделяется особенными характеристиками и не становится отдельным предметом изучения, поскольку относится к сфере конечного бытия. Важным в этой связи является феномен созерцания и созерцательной жизни, являющийся неотъемлемой характеристикой греческой философии, поскольку созерцание возвышается над всякой деятельностью, в том числе и творческой. Понятие *bios theoretikos*¹²⁷ – созерцательная жизнь, играет важную роль для понимания специфики античного способа философского мировосприятия. Сам термин созерцание – *θεωρία* – отсылает к теоретической деятельности, в противовес практической. Практическая же деятельность, как созидательная и продуктивная, включала в себя и искусство, которое, однако, совершалось под влиянием божественного начала.

Природу и механизмы творчества довольно подробно исследовал крупнейший представитель античной философии – Платон. В его диалогах мы находим определение творчества как перехода от небытия к бытию, творчество наделяется характеристикой универсальности: «Всякий переход из небытия в

¹²⁷ Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону / А.-Ж. Фестюжьер. – СПб.: Наука, 2009. – 497 с.

бытие – это творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей – их творцами»¹²⁸. Эта мысль позднее была развита представителем русского экзистенциализма и персонализма Н. А. Бердяевым, который наполнил ее новым содержанием в виде мёнической свободы, которая есть исток всякого творчества: «Творчество есть величайшая тайна жизни, тайна явления нового, небывшего, ни из чего не выводимого, ни из чего не вытекающего, ни из чего не рождающегося. Творчество предполагает ничто, *thou* (а не *ousoi*). И этот мёон есть тайна изначальной, первичной, домирной, добытийственной свободы в человеке. Тайна творчества и есть тайна свободы»¹²⁹.

В средние века понимание творчества как принципа возникновения бытия из небытия дополняется актом божественной воли. Человеческое творчество рассматривается в аспекте творения истории, поскольку история есть сфера, в которой человеком реализуется замысел божий. Поскольку человек всегда обращен к Богу в акте творчества, он им ограничен и ему подчинен. Подобное ограничение человеческого творчества снимается в эпоху Возрождения, в которую человек сам становится творцом и теряет эту зависимость от Бога. В эту эпоху творчество понимается, прежде всего, как искусство, с его культом гения как носителя творческого начала. И именно благодаря этой интуиции в отношении творческой деятельности, сам процесс творчества становится предметом философской рефлексии, чего не было в предшествующей философской традиции.

В эпоху Нового времени творчество воспринимается как нечто менее значимое в сравнении с познанием. Творческая деятельность представляет собой некую комбинацию уже существующих элементов, следовательно, она не может рассматриваться в качестве самостоятельного предмета исследования. Существенный вклад в изучение структуры творчества был сделан И. Кантом, проанализировавшим творческую способность воображения, которая объединяет

¹²⁸ Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: Эксмо, 2013. – С. 469.

¹²⁹ Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000. – С. 156.

все многообразие чувственных впечатлений с понятиями рассудка. Кантовское трансцендентальное воображение представляет собой тождество созерцания и деятельности.

Таким образом, творчество помещается в основание процесса познания. Учение о творческой способности воображения было развито Шеллингом¹³⁰, который понимал ее как единство сознательной и бессознательной деятельности. Творчество провозглашается им высшей формой человеческого существования. Подобный подход в трактовке творчества завершается объявлением истории сферой реализации человеческого творчества в философской системе Гегеля¹³¹ и близкого, в этом аспекте, к его концепции – К. Маркса. Маркс под творчеством понимает деятельность человека, который создает себя в ходе истории. В целом, в Новое время происходит поворот от онтологического аспекта творческой деятельности к гносеологическому, и творчество рассматривается преимущественно в структуре познавательной деятельности.

Новый виток в исследовании творческой деятельности происходит на рубеже XIX-XX вв. Существенный вклад в осмысление творчества как продуктивной, созидающей деятельности, внес представитель философии жизни А. Бергсон. Творчество, как непрерывное рождение нового, составляет, по Бергсону, сущность жизни, которая есть жизненный порыв – потребность в творчестве.

Деятельность интеллекта не способна создавать новое, а лишь комбинирует уже существующее: «Что же касается изобретения в собственном смысле слова, составляющем отправной пункт самого творчества, то нашему интеллекту не удастся охватить его *поток*, т. е. то, что в нем есть нераздельного, ни его гениальность, т.е. то, что в нем есть творческого»¹³². Работа интеллекта, в данном случае, заключается в разложении на известные элементы, что указывает на его

¹³⁰ Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.

¹³¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1977. – 471 с.

¹³² Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 182.

неспособность допустить полную новизну, которая составляет суть творчества: «Интеллект характеризуется природным непониманием жизни»¹³³.

А. Бергсон противопоставляет интеллекту интуицию, которая выходит за его пределы, постигая жизнь в ее длительности: «интуиция, т. е. инстинкт, который не имел бы практического интереса, был бы сознательным по отношению к себе, способным размышлять о своем объекте и бесконечно расширять его, такой инстинкт ввел бы нас в самые недра жизни»¹³⁴. В этом плане философия жизни сходна с экзистенциализмом, в рамках которого творческое измерение так же противопоставляется интеллектуальному и техническому измерениям, признается его интуитивная или экстатическая природа.

Творчество представляет собой неоднородный процесс, говорить о структуре которого мы можем лишь с некой долей схематичности. Однако анализ структуры творческой деятельности необходим для выявления предпосылок возникновения в ней отчуждения. Поскольку феномен творчества исследуется не только в рамках различных философских направлений, следует обратиться к исследованиям в области психологии, поскольку именно психологические подходы к изучению творчества включают рассмотрение структурных компонентов данной деятельности.

В психологии традиционно выделяется несколько этапов творческой деятельности. Одним из первых о стадиях творческого мышления упоминает Г. Уоллес, им было выделено четыре этапа этого процесса¹³⁵:

1. Подготовка (выявление проблемы и попытки найти ее решение).
2. Инкубация (период переработки полученной на первом этапе информации).
3. Озарение или инсайт (внезапное возникновение решения).
4. Верификация или проверка истинности.

¹³³ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 183.

¹³⁴ Там же. – С. 196.

¹³⁵ Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2009. – С. 46.

Более развернутое описание динамики творческой деятельности можно найти в работах П. М. Якобсона¹³⁶. Им были выделены семь стадий творческого процесса¹³⁷:

1. Период интеллектуальной готовности.
2. Усмотрение проблемы.
3. Зарождение идеи – формулировка задачи.
4. Поиск решения.
5. Получение принципа решения.
6. Превращение принципа в схему.
7. Техническое оформление и развертывание изобретения.

В научных работах Я. А. Пономарева, также как и в работах Г. Уоллеса, выделяются четыре стадии творческого процесса, но характеризуются они иначе:

1. Фаза логического анализа.
2. Фаза интуитивного решения.
3. Фаза вербализации интуитивного решения.
4. Фаза формализации вербализованного решения.

Я. А. Пономарев рассматривает исследование природы творчества с различных точек зрения¹³⁸:

1. Создание новых и общественно значимых ценностей в области науки, техники, искусства, практики.
2. Личность, движимая самовыражением, самоактуализацией.
3. Процесс решения задач.

Важным вкладом Я. А. Пономарева является обоснование того факта, что «фазы творческого процесса отражают именно структурно-уровневую природу психологического механизма творчества»¹³⁹.

¹³⁶ Якобсон П. М. Процесс творческой работы изобретателя / П. М. Якобсон. – Москва; Ленинград: Изд-во ЦС Всес. о-ва изобретателей, 1934. – 135 с.

¹³⁷ Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2009. – С. 46.

¹³⁸ Творчество : от биологических оснований к социальным и культурным феноменам // Под ред. Д. В. Ушакова. – Москва : Институт психологии РАН, 2011. – С. 253.

¹³⁹ Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев. - М.; Воронеж: Модэк, 1999. – С. 39.

В концепции И. Н. Семенова¹⁴⁰ и С. Ю. Степанова¹⁴¹ структуру творческого мышления образуют четыре уровня компонентов, которые организованы иерархически и каждый верхний уровень управляет процессами нижележащего уровня¹⁴²:

1. Личностно-рефлексивный – обеспечивает осмысление и переосмысление субъектом личностного осуществления в ситуации испытания, содержащей конфликтообразующий момент.

2. Интеллектуально-рефлексивный – связан с осмыслением и переосмыслением предметно-операционного движения в содержании, включающего проблемно-образующий момент, требующий от субъекта преобразования его интеллектуального опыта (знаний, умений, навыков) в процессе решения творческих задач.

3. Предметно-содержательный – выражает трансформацию содержания образов в результате осмысления субъектом проблемной ситуации вплоть до построения адекватного представления о ее условиях и требованиях, а также переосмысления привлекаемых для решения задач средств.

4. Операционно-содержательный – реализует очевидные, уже осмысленные субъектом предметные содержания через их операционное преобразование за счет соответствующих действий.

Исследования творческой деятельности не ограничиваются областью психологии, возникает научная область, изучающая специфику творчества в различных его проявлениях – эвристика^{143 144 145}.

¹⁴⁰ Семенов И. Н. Рефлексивная психология творчества: концепции, экспериментатика, практика // И. Н. Семенов // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2005. – Т. 2, №4. – С. 65-73.

¹⁴¹ Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексия в развитии творческого мышления / Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Психологический журнал, 1986. – Т. 7., № 6. – С. 158–159.

¹⁴² Галактионов И. В. Психология творческой деятельности: структура, этапы, механизмы, методы исследования / И. В. Галактионов. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – С. 13.

¹⁴³ Пушкин В. Н. Эвристика - наука о творческом мышлении / В. Н. Пушкин. – М.: Политиздат, 1967. – 271 с.

¹⁴⁴ Буш Г. Я. Проблемология эвристики: Материалы к респ. семинару "Эврилогия и эвристика" (Рига, 28 дек. 1989 г.) / Г. Я. Буш. – Рига: Ин-т философии и права, 1989. - 77 с.

¹⁴⁵ Розет И. М. Что такое эвристика / И. М. Розет. – Мн.: Нар. асвета, 1969. – 119 с.

Исследования, касающиеся структуры творчества, во всем своем многообразии не учитывают момента спонтанности – хаотического компонента творческого процесса. Раскладывая этот процесс на стадии и этапы, мы видим лишь некий каркас, схему, в которой не хватает одного важного элемента – движения, самого процесса. Здесь уместно говорить о движении, поскольку переход от одной стадии к другой не осуществляется автоматически. Более того, попытка рационально объяснить, каким образом происходит этот переход, изначально ошибочна.

Н. А. Бердяев предлагает следующую структуру творческой деятельности: «Творчество человека предполагает три элемента – элемент свободы, благодаря которой только и возможно творчество нового и небывшего, элемент дара и связанного с ним назначения и элемент сотворенного уже мира, в котором и совершается творческий акт и в котором он берет себе материалы»¹⁴⁶. Таким образом, свобода является тем элементом, благодаря которому творческий акт, с одной стороны, наполняется нематериальным содержанием, поскольку материя является лишь субстратом, вспомогательным элементом творческого процесса, а с другой стороны, – становится сопричастен вечному, что позволяет говорить о творчестве как о первоначале – основе человеческого бытия.

Исследование феномена творчества представляется весьма актуальным в наши дни, поскольку современное общество требует от индивида высокой степени творческой активности: креативность, творческий подход – термины, мелькающие в качестве лозунгов едва ли не во всех сферах деятельности. Возникает вопрос, что содержит в себе творческая деятельность, что делает ее настолько уникальной и востребованной одновременно? Для ответа на него необходимо обратиться к содержанию творческого акта. На первый взгляд, творческий процесс кажется чем-то слишком оторванным от реальности, чем-то слишком абстрактным и неуловимым, чтобы это можно было описать, а тем более изучить с позиций философии. Однако исследования природы творчества все же

¹⁴⁶ Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Мн. :Экономпресс, 2000. – С. 156.

дают если не структуру, то составные компоненты творческого процесса, исходя из которых, мы имеем возможность говорить о специфике этой уникальной деятельности человека, именуемой творчеством.

Определение деятельности, в широком смысле, как формы исторического культурного творчества, предложенное И. П. Фарман, приводит к расширению понятия творчества до уровня преобразовательной деятельности человека (если понимать под преобразованием привнесение Нового, создание уникального продукта). Преобразование в данном случае имеет двойственный характер, как экстериторная деятельность, направленная на изменение внешней среды, и как деятельность интериорная, направленная на совершенствование внутреннего мира человека, то, что мы можем назвать творческой самореализацией. Наряду с этим, актуальность изучения механизмов творческой деятельности обусловлена еще тем, что, будучи исключительно персоналистичной, она обращает внимание на роль каждого конкретного индивида в процессе решения социальных проблем современного общества.

Приоритетным направлением исследований в области творчества становится, в связи с этим, изучение принципов построения Нового. Процесс создания Нового, как основная характеристика творчества, подразумевает, помимо способностей индивида к подобной деятельности, наличие определенных механизмов, благодаря которым данный процесс может осуществляться. В качестве одного из таких механизмов выступает воображение.

Поскольку современная социальная реальность формирует запрос на оригинальную, нестандартную методологию, постольку анализ воображения как исключительной способности человека способен ответить на этот запрос, выявив внутренние факторы создания новых форм общественного бытия: «Сфера воображения все более настоятельно входит в самую структуру развития современного знания, определяет ход научных революций. В наше время

противопоставлять «науку» и «утопию», рассудок и воображение – значит не замечать движущих сил научно-технического прогресса»¹⁴⁷.

И. П. Фарман выделяет три основных аспекта в исследовании воображения¹⁴⁸:

- 1) воображение как акт сознания и его место в структуре мышления;
- 2) познавательная функция воображения;
- 3) творческая продуктивная способность воображения.

В психологии различаются два типа воображения: воссоздающее, которое работает с уже имеющимися образами, и творческое, создающее новые уникальные образы. Творческое воображение является основополагающим компонентом творческого процесса в целом. В структуре продуктивной деятельности роль воображения чрезвычайно велика, поскольку оно, будучи внутренним переживанием человека, является инструментом творчества: «Воображение выступает и как одно из внутренних переживаний, проявляющихся буквально во всех видах индивидуальной деятельности, направленной на созидание и творчество»¹⁴⁹.

Существенный вклад в исследование взаимосвязи воображения и творчества внес И. Кант, разработав концепцию о творческой природе воображения. Согласно его теории, аналитические суждения дают нам подробное представление о предмете, но не приводят к возникновению нового знания, они априорны и достоверны, замкнуты на себе, следовательно, не могут содержать противоречий. В свою очередь, синтетические суждения могут привнести нечто новое в содержание предмета, тем самым, расширяя наше представление о нем. Именно с синтетическими суждениями Кант связывает работу воображения, которое способствует их возникновению. Утверждая существование априорных синтетических суждений, Кант придает им статус всеобщности.

¹⁴⁷ Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 115.

¹⁴⁸ Фарман И. П. Воображение в структуре познания / И. П. Фарман. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 7.

¹⁴⁹ Там же. – С. 10.

В связи с этим, одной из главных функций воображения является функция синтеза. Синтез в данном случае выступает как действие способности воображения, важнейший акт познания, способствующий систематичности и единству познания. Таким образом, воображение по Канту выполняет своего рода методологическую роль, объединяя представление и образ в понятии: «оно осуществляет связь рассудка и чувственности, образует «чувственное понятие», благодаря которому осознается, т.е. как бы впервые создается для нас, сам предмет (как предмет знания)»¹⁵⁰. Продуктивная способность воображения лежит в основе всех структур человеческого познания. Подобная трактовка утверждает нас в мысли об исключительной роли воображения в структуре продуктивной деятельности – как элемента, способствующего возникновению Нового.

Исследование воображения как феномена сознания также находит отражение в гносеологической теории Г. Ф. В. Гегеля. Он встраивает воображение в мыслительную схему познания, связывает его с представлением, внутренне усвоенным созерцанием. Представление является следующей после созерцания ступенью на пути к понятийному мышлению. На этой ступени мы имеем дело с рефлексивной деятельностью, состоящей из припоминания, воображения и памяти. Причем воображение понимается как активное начало, речь идет о силе воображения: «деятельной силой, заставляющей образы подниматься на поверхность из сознания внутреннего существа Я, является сила воображения»¹⁵¹.

Сила воображения, согласно теории Гегеля, может быть представлена формальным воспроизведением образов, ассоциированием образов – «отнесением образов друг к другу и подведением единичных представлений под всеобщие»¹⁵², и, наконец, на уровне сознания сила воображения отождествляет всеобщие представления и особенное содержание образа, облекая их в форму символа или знака, что уже есть переход к последней ступени представления – памяти.

¹⁵⁰ Фарман И. П. Воображение в структуре познания / И. П. Фарман. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 102.

¹⁵¹ Там же. – С. 113.

¹⁵² Там же. – С. 118.

Воображение в гегелевской гносеологической системе трактуется как акт сознания, порождающий единство всеобщего и особенного, представления и созерцания. Продуктивная деятельность воображения, в данном случае, ассоциируется с представляющей деятельностью. Необходимо отметить, что эта деятельность направлена на постоянное преобразование духовного мира, выраженное у Гегеля в диалектической природе творческого процесса, благодаря которой материал прошлого обогащается и, вместе с тем, сохраняется. На основе представленных концепций можно сделать вывод об основополагающей роли воображения в структуре познавательной деятельности, а также об установлении продуктивной творческой природы воображения.

Таким образом, творческая продуктивная способность воображения представляется наиболее значимым аспектом в исследовании механизмов творческой деятельности: «Воспроизводящее воображение требует памяти, творческое воображение требует нового: это существенный и исключительно свойственный ему признак»¹⁵³. Т. Рибо различает два вида воображения: репродуктивное (воспроизводящее) и творческое (создание новых образов).

Он рассматривает действие творческого воображения как единство трех компонентов: «Всякое создание, великое или малое, представляет органический характер; оно предполагает синтетическое начало – единство. Каждый из трех факторов – интеллектуальный, эмоциональный и бессознательный – работает не порознь и не за свой только счет: они имеют ценность и значение только вследствие соединения между собою и стремления к одной цели. Это начало единства, которое требует всякое изобретение»¹⁵⁴. Синтезом этих компонентов является идеальный образ будущего продукта творческой деятельности.

В своем исследовании стадий деятельности творческого воображения в процессе технического творчества, Т. Рибо отмечает их сходство со стадиями деятельности воображения в художественном творчестве: зарождение, вынашивание, появление на свет и окончательная отделка. Наряду с этим, как

¹⁵³ Рибо Т. Творческое воображение / Т. Рибо. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1901. – С. 4.

¹⁵⁴ Там же. – С. 63.

механическому творчеству, так и художественному, свойственно вдохновение. Т. Рибо приходит к выводу, что творческое воображение механика и художника по своей природе тождественны и отличается друг от друга только целями, способами и условиями проявления, что позволяет говорить об идентичности механизмов функционирования различных видов творческого воображения.

Все виды творчества предполагают наличие некоего идеального образа, который постепенно воплощается: «Этот идеал становится объединяющим принципом и притягательным центром. Он создает, вызывает и группирует сочетания соответственных образов, с помощью которых идея развивается и организуется в стройное сооружение, – в целую совокупность средств, клонящихся к достижению одной и той же цели»¹⁵⁵.

Проведенный анализ феномена воображения позволяет сделать вывод о его основополагающей роли не только в процессе познания, что становится очевидным из рассмотрения концепций И. Канта и Г. Ф. В. Гегеля, но и в процессе творческой деятельности человека, охватывающей художественное, научное, техническое творчество: «Знаменательно, что бэконовский афоризм «Знание – сила» А. Эйнштейн переложил в иную формулу, которая может считаться девизом интеллектуальных исканий XX-XXI веков: «Воображение важнее знания. Знание ограничено. Воображение объемлет весь мир». Знание только воспроизводит реальный мир, тогда как воображение создает доселе не существовавшие миры. Инноваций такого масштаба особенно не хватает гуманитарным наукам. Они должны вернуть себе ту интеллектуальную инициативу и силу воображения, которые в XX веке стали залогом ускоренного развития естественных наук и технологий»¹⁵⁶.

Таким образом, закрепление за воображением роли методологической основы творческого акта позволяет говорить о возможности дальнейшего исследования механизмов творчества с позиций социальной философии, целью которого будет обоснование необходимости переосмысления творчества как

¹⁵⁵ Рибо Т. Творческое воображение / Т. Рибо. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1901. – С. 230.

¹⁵⁶ Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 140.

способа бытия человека в мире, его предпосылок и возможностей в условиях стремительно развивающегося и трансформирующегося информационного общества.

Для решения поставленной в данном исследовании задачи, а именно, выявления отчуждения в структуре творческой деятельности, нет необходимости в более детальном анализе составных компонентов творчества, поскольку нашей целью является выявление механизмов отчуждения творчества. Рассмотренные компоненты творческой деятельности относятся к сфере человеческого сознания, тогда как продукт творчества обладает внешним существованием по отношению к своему создателю. В этом разделении заключена одна из форм отчуждения, на которую указывал Маркс – отчуждение продукта труда. Однако эта форма отчуждения тесно взаимосвязана с другими формами, которые также могут быть отнесены к творческому процессу. В данном случае, уместно разделить творческую деятельность на внутреннюю, связанную с работой сознания, и внешнюю, включающую появление продукта творчества и дальнейшее существование данного продукта как самостоятельной единицы общественной структуры.

Под общественной структурой подразумевается некая социокультурная среда, в которой происходит оценивание творческого продукта, встраивание его в контекст существующей культурной традиции, или же отрицание данного продукта, непринятие его обществом. По сути, речь идет о признании обществом результатов творческой деятельности человека. И на данном этапе, отчуждение проявляется не только и не столько в самостоятельном существовании продукта творчества. Оно может воплотиться в отчуждении человеческой идентичности, трансформации коммуникации, изменении способа бытия человека в обществе.

Таким образом, отчуждение может возникнуть только в процессе творчества, когда механизм творческой деятельности уже запущен в сознании человека. Формы, которые оно приобретает, зависят от условий, в которых эта деятельность осуществляется. Данные рассуждения приводят к необходимости рассмотреть общество на современном этапе его развития, поскольку именно о

настоящем времени актуально говорить, исследуя проблемы творчества и отчуждения. Современная стадия общественного развития характеризуется исследователями как информационная, именно о ней пойдет речь в следующем параграфе.

По итогам данного параграфа можно заключить следующее:

Во-первых, творческая деятельность может исследоваться с позиций как философии, так и психологии. Структура творчества, предложенная психологами, включает в себя механизмы работы мышления, что приводит к необходимости ее философского осмысления, результатом которого становится комплексный подход к рассмотрению данной структуры.

Во-вторых, философское осмысление структуры творчества позволяет сделать вывод о том, что механизм творчества человека не ограничивается уровнем мышления, а включает в себя также уровень коммуникации, диалога, как неотъемлемой части творчества.

В-третьих, анализ компонентов творческой деятельности позволяет соотнести их с различными формами отчуждения, что приводит к формулированию возможных вариантов функционирования отчуждения в структуре творчества.

§2. Отчуждение и творчество в современном социуме

В первой главе данного исследования достаточно подробно был рассмотрен феномен отчуждения в его историко-философской ретроспективе и выявлены формы, которые принимает отчуждение в различные эпохи. Однако задачей исследования является не столько изучение феномена отчуждения самого по себе, сколько его взаимосвязи с творчеством, его места в структуре творческой деятельности. В данном параграфе будет исследовано, каким образом отчуждение проявляется в условиях современного общества, какие формы может принимать и каким образом соотносится с творческой деятельностью.

Современная стадия общественного развития ¹⁵⁷ характеризуется исследователями как «информационная», что связано с приоритетной ролью информации, объемы которой со 2-ой половины XX века увеличивались с небывалой скоростью. Потоки информации, разрастаясь, приводят к информационной перегрузке, что, в свою очередь, вызывает необходимость продуктивного упорядочения и регулирования этих потоков. Помимо этого, к началу XXI века информация становится основным предметом человеческого труда, что повлекло за собой трансформации в методах и механизмах мышления и творчества.

В данном контексте предметом анализа становится творческий человек современного общества, условия, в которых он занимается творчеством и факторы, которые этому препятствуют. Творческая деятельность может быть определена как специфический труд, который, с одной стороны, способствует преодолению препятствий, создаваемых современным обществом на пути самореализации человека, а с другой – может превратиться для него в изнуряющую работу.

О такой деятельности Г. Маркузе пишет как о времени, когда индивиды не живут собственной жизнью, поскольку время их работы, отнятое у реализации их потребностей и способностей, – это отчужденное время, которое составляет

¹⁵⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Академия, 1999. – 956 с.

большую часть жизни индивида. Отчужденный труд, лишенный удовлетворения, отрицает принцип удовольствия, индивид работает для себя лишь постольку, поскольку он работает для аппарата, в основном он занимается деятельностью, не совпадающей с его способностями и желаниями¹⁵⁸. Выводы, сделанные Маркузе в отношении отчужденного труда, справедливы и в отношении отчужденного творчества: подобное отчуждение можно преодолеть только когда процесс деятельности станет самоцелью, что подтверждает наш вывод в отношении процессуальности как главной характеристики творчества.

Исходя из общего определения труда как «вечного естественного условия человеческой жизни»¹⁵⁹, данного К. Марксом, творчество как деятельность может быть названо особым видом трудовой деятельности. Понятие труд несомненно шире исследуемого нами понятия творческой деятельности, это отличие указывает на то, что творчество как деятельность свойственно не каждому человеку, по этой причине мы говорим о творчестве максимально обобщенно, что позволит исследовать данный феномен безотносительно к сферам его применимости.

Сопоставление труда и творчества приводит к заключению о необходимости изменения условий, в которых данная деятельность разворачивается: «Присвоение либо отчуждение своей деятельности является результатом осознания индивидом своего «места», своей «роли» в этом мире. Выбор субъекта состоит в том, признать свою причастность к собственной деятельности (как к неотъемлемой части всей деятельности, осуществляемой в мире), а значит, и к миру (как целому), либо снять с себя всю ответственность за свои действия, таким образом отстранив себя от происходящих в мире процессов. В первом случае раскрывается онтологический смысл человеческой деятельности, во втором, наоборот, – деятельность как онтологическая категория свой смысл

¹⁵⁸ Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – Киев, 1995. – 352 с.

¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1990. – Т. 42 – С. 93.

утрачивает, что является необходимым условием ее отчуждения»¹⁶⁰. Как труд может превратиться в тяжелую работу, так и творчество способно принять отчужденную форму, в которой творческие способности «деградируют в условиях, когда они не могут быть применены к процессу труда»¹⁶¹. Таким образом, процесс отчуждения творческой деятельности напрямую связан с деятельностью человека в целом, поскольку совмещая рутинный, отчуждающий труд с попытками реализовать себя в творчестве, человек теряет способность и к труду, и к творчеству.

Переосмысливая утверждение Маркса об отчуждении продуктов труда (а значит творчества), как о ключевом аспекте отчуждения, мы приходим к утверждению процессуальности творчества как его основополагающей характеристики. Продукт творчества не должен быть единственной целью для творца, будь то художественное творчество или научное. В этом смысле творчество бесцельно, поскольку бесконечно. Так мы приходим к утверждению творчества как способа бытия человека в социуме.

Условия информационного общества, с одной стороны, должны способствовать развитию творческих способностей, поскольку творческая деятельность объединяет в себе труд и досуг, исключая, тем самым, возможность отчуждения работника от своего труда. С другой стороны, эпоха господства информации создает ряд трудностей и «ловушек» в процессе потребления этой самой информации. Так, творчество подменяется понятием креативности: «подмена творчества (как самореализации, выражающейся в создании общественно значимого продукта) креативностью (как поведенческим самовыражением в ходе обеспечения спроса своему товару) указывает на скорый распад общества, на его переход в состояние надлома»¹⁶².

¹⁶⁰ Ляхова Я. Ю. Социально-философский аспект отчуждения профессиональной деятельности / Я. Ю. Ляхова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015. – С. 70.

¹⁶¹ Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М., 1995. – С. 204.

¹⁶² Кальней М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе / М. С. Кальней // Экономические и социально-гуманитарные исследования, 2017. – № 4 (16). – С. 40.

«Процесс угасает в продукте»¹⁶³, – пишет К. Маркс в «Капитале». Следовательно, не отчужденный продукт важен в контексте изучения творчества, а тот факт, что отчуждение в творчестве, отчуждение творящего – приводит к отчуждению творчества, к угасанию процесса. При таком подходе, отчуждение продуктов труда, которое он описывает, предстает как ключевой момент – момент перехода от отчуждения в творчестве к отчуждению творчества. Возникает вопрос: что заставляет человека избирать путь репродуктивной деятельности вследствие отчуждения продуктов труда? Ответ отчасти дается самим Марксом: осуществление труда – это претворение труда в действительность, его опредмечивание. Соответственно, то, что стало продуктом труда, перестало принадлежать человеку, осуществление труда выступает как «выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение»¹⁶⁴.

В контексте теории фетишизации вещей данная мысль может быть дополнена утверждением ситуации современного общества, в которой человека начинает определять вещь, продукт деятельности превращается в чуждую ему силу, а сам человек, поддаваясь влиянию внешней реальности, из творящего превращается в воспроизводящего.

Таким образом, в творчестве может отчуждаться:

- a) Продукт от человека
- b) Сам человек (кризис идентичности)
- c) Человек от окружающего мира (разрыв диалогических отношений)

Данные аспекты, воплощаясь в творческой деятельности, меняют ее структуру, что, в конечном итоге, приводит к трансформации самой этой деятельности, к изменению способа бытия человека в мире – к отчуждению творчества.

Отчуждение творчества как процессуальности является закономерным этапом генезиса основным форм отчуждения, который прослеживается на

¹⁶³ Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. – С. 191.

¹⁶⁴ Маркс К. Экономико – философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.второе. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 88.

протяжении всей истории философии. Каждая эпоха привносила что-то свое в объяснение феномена отчуждения, мы же, исследуя данный феномен, находимся на стадии информационного общества, которое позволяет увидеть отмеченную закономерность в развитии форм отчуждения и констатировать отчуждение творчества как продукт современного состояния общества. Набрасывание определенных схем на творческую деятельность ведет к ее отчуждению, и современный этап общественного развития наглядно это демонстрирует. Ницше видел в техническом прогрессе начало упадка и декаданса, сейчас же мы имеем дело с последствиями этого прогресса и, следовательно, способны оценить результаты информатизации и рационализации, о которых он мог только предположить.

Отчуждение в информационном обществе сопряжено с категорией виртуальности. Творчество как создание нового отсылает к переработке информации, любая классификация этапов творчества содержит ступень подбора информации, накопления знаний, теоретический анализ проблемы. Особенно этот момент касается научного творчества. Огромное информационное пространство, которое должно было служить полем взаимодействия индивидов, становится сценой для разворачивающейся драмы отчуждения.

Следовательно, проблема заключается уже в начальных стадиях творческого процесса. Ведь то, каким образом человек потребляет информацию, напрямую связано с дальнейшим развитием творческого акта. Иными словами, информационная среда, в которой существует современный человек, как бы громко это ни прозвучало, – определяет его творческий потенциал. Это первый аспект влияния информатизации на творчество – огромное количество информации и проблемы ее усвоения. Второй аспект связан с кризисом идентичности: «В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных

значений»¹⁶⁵. Трансформируется не только среда, в которой существует человек, но и его восприятие этой среды. Но, как утверждал Н. А. Бердяев, творит только свободная личность.

Однако условия информационного общества сказываются на самой личности – мы имеем дело с деперсонализацией, расщеплением личности, анонимностью существования в поле виртуального, что ставит под сомнение продуктивность процесса поиска и усвоения информации. Человек поглощен виртуальной реальностью, вынужден следовать навязываемым правилам, начинает мыслить предзаданными шаблонами и схемами. Простой пример: нужно написать статью на определенную тему. В интернете эта тема изложена определенным образом. Студент комбинирует найденную информацию и получает продукт – статью, в которой не сказано ничего нового по указанной проблеме. И дело здесь не в доступности информации, а в отсутствии самостоятельности мышления, в страхе отхода от заданных шаблонов. Наше восприятие информации меняется, наше восприятие себя и других меняется, меняется наше восприятие реальности – все это оказывает весьма конкретное и очевидное влияние на процесс творчества.

Маргинализация и аномия, являясь формами, в которых проявляется отчуждение, могут стать так же формами, в которых отчуждение будет преодолено. На самом деле, этот процесс закономерен – форма проявления отчуждения есть форма его преодоления – и в этом позитивный смысл отчуждения. Нам не нужно искать особых методов или механизмов для снятия отчуждения, как об этом писал Маркс и его последователи, в виде коренных изменений в обществе и тому подобного. Появляясь в той или иной сфере человеческой деятельности, отчуждение как бы сигнализирует о себе, указывает на возможность преодолеть его. Так, область маргинального, отчужденного существования индивида, может стать той нишей, которая с необходимостью должна появиться для формирования свободного, неотчужденного творчества.

¹⁶⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 305.

Иными словами, настолько персоналистичное явление, как отчуждение творчества, не может быть преодолено путем изменения социальной структуры или общества в целом, т.е. «сверху». Говоря об условиях для творческой деятельности, мы вовсе не имеем в виду некую глобальную систему, т.к. все, что распространяется повсеместно, как показывает практика, становится общим, а значит ничьим.

Таким образом, говоря о создании некой среды, мы указываем на необходимость обратиться к творческой активности человека, а не общества в целом. В современном обществе, где власть структуры, сети, сообщества слишком сильна для того, чтобы противопоставить ей отдельную личность, тем не менее, возникают определенные микро-сообщества, из которых может вырасти нечто сопоставимое по масштабам с продуктами современной культуры. В этом, на наш взгляд, и заключается тот ответ, который должен быть дан эпохе информации и виртуальной реальности.

Сфера маргинального, отчужденного существования, интересна в данном контексте тем, что отчуждение здесь, с одной стороны, исключает индивида из социальных структур, лишая его определенных возможностей, а, с другой стороны, дает ему шанс, не испытывая более влияния целого, влияния среды, создать новую среду, в которой появилась бы возможность увидеть в творчестве как процессе все те трансформации, которым оно подверглось в современную эпоху, и преодолеть их, наполнив понятие творчества новым содержанием.

Современная стадия развития общества несет опасность для творчества в виде излишней рационализации, которая приводит к шаблонности мышления. Наряду с выделением в структуре творчества неких составных компонентов, важно сказать о наличии в нем двух начал: рационального и иррационального. М. Фуко проблематизирует безумие, превращая его в философскую категорию, что позволяет, на наш взгляд, расширить определение творчества, раскрыв в его структуре взаимосвязь рационального и иррационального. Не останавливаясь подробно на описании социального и исторического контекста, в котором безумие становится одной из базовых категорий философского дискурса, начнем

с того, что самого понятия безумия, согласно Фуко, не существовало вплоть до XIX века. Лишь с появлением психиатрии о безумии начинают говорить как о болезни, как об отклонении от нормы. Таким образом, когда проводится граница между нормой и аномалией, в обществе появляется понятие безумия.

Однако Фуко в своем исследовании данного феномена идет дальше, утверждая, что безумие неразрывно связано со знанием: «Безумие притягательно и другой своей стороной, прямо противоположной: это не только темные глубины человеческой природы, но и знание. Знание прежде всего потому, что все нелепые образы безумия на самом деле являются элементами некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания. <...> А хранителем этого знания, столь недоступного и столь устрашающего, выступает Дурак в своей простоте и невинности. Если человек разумный и мудрый различает лишь разрозненные – и оттого еще более тревожные – его образы, то Дурак несет его все целиком, в безупречно сферическом сосуде, в том хрустальном шаре, который пуст для всех, но для него плотно заполнен незримым знанием»¹⁶⁶. Фуко, таким образом, указывает на связь между разумом и неразумием – неразумное не может существовать вне зависимости от разума.

Важная интуиция была высказана Фуко в отношении безумия и отчуждения: «Освободив безумца от негуманных оков, она [психиатрическая лечебница] приковала к безумцу человека и его истину. С этого дня человек стал доступен самому себе как истинное бытие; но это истинное бытие дано ему лишь в форме отчуждения, сумасшествия»¹⁶⁷. Исследователи творчества Фуко сходятся во мнении, что тот заимствовал идею изучения безумия как отчуждения у своего учителя, представителя французского неогегельянства, Жана Ипполита, который говорил: «Я придерживаюсь идеи, что изучение безумия – отчуждения в глубоком смысле этого слова – находится в центре антропологии, в центре изучения

¹⁶⁶ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – С. 31.

¹⁶⁷ Там же. – С 618.

человека. Сумасшедший дом есть приют для тех, кто не может больше жить в нашей бесчеловечной среде»¹⁶⁸.

Принимая безумие как отчуждение, как изоляцию человека от общества, Фуко приходит к важному заключению: «Итак, безумец предстает теперь в свете бесконечно возобновляющейся диалектики *Того же самого* и *Иного*. Отныне безумец – не *помешанный*, обретающийся в поделенном надвое пространстве классического неразумия; он – *отчужденный*, сумасшедший в современной форме этой болезни»¹⁶⁹. Таким образом, категория безумия у Фуко, с одной стороны, тесно связана с разумом, рациональностью, а с другой стороны, – с категорией отчуждения. Для того чтобы завершить эту схему, необходимо вернуться к понятию творчества и рассмотреть его сквозь призму категорий рационального – иррационального, разума – безумия, для чего нам следует обратиться к философии Фридриха Ницше¹⁷⁰.

Для Ницше¹⁷¹ творчество становится фундаментальным принципом бытия – той движущей силой, благодаря которой человек способен преодолеть себя, поскольку человек есть нечто, что должно превзойти. Истоком творчества является дионисийское начало – стихийное, иррациональное и экстатическое. Противоположное ему – аполлоническое – начало гармоничное и рациональное. Аполлоническое и дионисийское у Ницше – диалектически взаимосвязанные начала бытия, наивысший синтез которых проявляется в аттической трагедии. Однако развитие рациональной мысли приводит к угасанию дионисийского и к торжеству аполлоновского начала в культуре, что, по Ницше, является очевидным признаком упадка и декаданса.

Тема творчества объединяет основные понятия философии Ницше: сверхчеловек, вечное возвращение, воля к власти – все они, по сути, служат для выражения мысли о преодолении рационализированной и застывшей данности, о возвращении к жизни творческого, дионисийского начала, не зря ведь Ницше

¹⁶⁸ Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2004. – С. 8.

¹⁶⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – С. 616.

¹⁷⁰ Дьяков А. В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше / А. В. Дьяков // Хора, 2007. – № 1-2. – С. 61-68.

¹⁷¹ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. – СПб.: Азбука, 2012. – 208 с.

писал о себе как о «певце Диониса»¹⁷². У Ницше мы находим похожие интенции в отношении безумия, которые, возможно, послужили для Фуко источником вдохновения. Рассуждая о последнем человеке, Ницше устами Заратустры провозглашает: «Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. «Прежде весь мир был сумасшедший», – говорят самые умные из них и моргают»¹⁷³.

Проблеме творчества Фуко уделяет внимание в конце «Истории безумия», утверждая, что «неразумие в современном мире <...> принадлежит к решающим моментам любого творчества, — иначе говоря, к тем смертоносным, властным стихиям, которые заложены в творчестве как таковом»¹⁷⁴. Таким образом, определяя творчество как особый способ бытия человека, мы заключаем его между сферой объективации, примером которой служит высвеченное в персонализме объективирующее отношение к миру, и сферой безумия, хаоса.

Результатом отчуждения творчества, таким образом, становится либо погружение в объективацию, исключаящую любое проявление творчества, либо слияние с хаосом безумия – помешательство. Однако указанные сферы не противоположны друг другу и, следовательно, несопоставимы, поскольку творчество, противопоставляемое сфере объективации, не противопоставляется сфере безумия, а находится с ней в гораздо более сложной связи: «Безумие существует лишь как конечный миг творчества – творчество неустанно вытесняет его за свои пределы; *где есть творчество, там нет места безумию*; и однако безумие современно творчеству и творению, ибо кладет начало времени его истины»¹⁷⁵. Итак, перед нами вырисовывается некая схема творческой деятельности, которую можно проиллюстрировать на конкретном примере.

Мы можем представить себе следующую картину: два здания, возведенных по новейшим технологиям, с множеством этажей, отведенных под офисы, в самом

¹⁷² Франк С. Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему / С. Л. Франк // URL: <http://www.vehi.net/frank/etika.html> (дата обращения 05.01.17).

¹⁷³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2010. – С. 304.

¹⁷⁴ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – С. 625.

¹⁷⁵ Там же. – С. 628.

центре большого города – оплот ratio; далее, представим себе трос, натянутый между этими зданиями на высоте последнего этажа. И, наконец, представим себе канатоходца, который стоит на крыше одного из зданий, без страховки и любых других подобных уловок, только с балансировочным шестом в руках. Он стоит в предвкушении первого шага – момента, когда он окажется над пропастью и пути назад уже не будет. Ступив на трос, он не сможет вернуться назад, перед ним откроются только два пути: первый, путь творчества, - вперед, по натянутому тросу, к конечной цели – противоположному зданию, без малейшей возможности дойти только до середины и остановиться; и второй, путь безумия, - вниз, в бездну и пустоту.

Почему второй путь мы называем безумием, а не творчеством? В творчестве, как мы отметили в самом начале, присутствует момент созидания, только создавая, мы можем говорить о творении, чистая деструктивность творчеством не является: «Безумие есть абсолютный обрыв творчества; оно образует конститутивный момент того уничтожения произведения, которое во времени служит основанием его истины; оно очерчивает его внешнюю оконечность, линию низвержения в пропасть, черту, за которой начинается пустота»¹⁷⁶.

Канатоходец, о котором шла речь – Филипп Пети – 7 августа 1974 года прошел по натянутому тросу между башнями-близнецами Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Ступив на трос, он дошел до конца, поэтому в отношении его выступления применяется термин «творчество», хотя, если бы оно завершилось падением, скорее всего, мы бы знали его как безумца. В связи с этим, можно вспомнить известную сцену из ницшеанского Заратустры, в которой канатный плясун падает с каната из-за скомороха, выпущенного вслед за ним. Скоморох, в данном контексте, может выступать олицетворением безумия, подталкивающего канатоходца к краю пропасти.

На наш взгляд, данная метафора ярче всего описывает процесс творчества. Перефразируя Ницше: «Творчество есть канат, натянутый между столпами ratio

¹⁷⁶ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – С. 627.

над пропастью хаоса и безумия». Творчество, таким образом, не может возникнуть без участия иррационального начала. Канат или трос, в то же время, может олицетворять границу между рациональным и иррациональным, границу, находясь в пределах которой, мы можем сочетать две эти полярности, оказываясь, следовательно, способными к творческой деятельности, тогда как уход к одному из полюсов означает уничтожение творчества или отчуждение, что иллюстрирует Фуко на примере безумия самого Ницше: «Последний вопль Ницше, провозгласившего себя одновременно Христом и Дионисом, звучит вовсе не там, где смыкаются разум и неразумие; <...> вопль этот – уничтожение самого произведения, после него оно становится невозможным и вынуждено умолкнуть; молот выпадает из рук философа»¹⁷⁷.

Таким образом, балансирование на границе рационального и иррационального, аполлонического и дионисийского и есть творчество, объединяющее в себе хаос и порядок. До каната, до этой границы, творчества еще нет, после – уже нет. Балансировать на грани – призвание человека творящего.

В качестве основных выводов данного параграфа можно выделить следующие положения:

Во-первых, трансформации, которым подвергается общество при переходе к информационной стадии, указывают на необходимость исследования феномена отчужденного творчества как состояния, сигнализирующего о потребности в новой методологии творческого мышления, которая бы позволила преодолеть эту отчужденность.

Во-вторых, сфера маргинального, отчужденного существования, с одной стороны, исключает индивида из социальных структур, лишая его определенных возможностей, а с другой стороны, дает ему шанс создать среду, в которой появилась бы возможность наполнить понятие творчества новым содержанием.

¹⁷⁷ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – С. 627.

В-третьих, исследование творчества в современную эпоху с необходимостью отсылает к изучению иррациональных компонентов творческой деятельности, которые способствуют выявлению отчуждения этой деятельности.

§3. Творческий процесс в условиях информационного общества

Определяя творчество, в самом широком смысле, как продуктивную деятельность, мы сталкиваемся с необходимостью анализа этой деятельности в современном мире, поскольку историко-философская ретроспектива, высвечивая длительную традицию в исследовании и интерпретации творчества, завершается довольно размытыми выводами в отношении данного феномена. В частности, мы сталкиваемся с проблемой определения творческой деятельности, в контексте так называемого информационного общества.

Трансформации, произошедшие в обществе при переходе к информационной стадии, являются предметом нашего анализа, поскольку творческая деятельность включает в себя все эти трансформации, превращаясь в комплексный феномен человеческого бытия. Итак, информационное общество как стадия общественного развития представляет собой превращенную форму реальности, которая обладает одним характерным свойством – симулятивностью. Понятие «симулякр» используется Ж. Бодрийяром¹⁷⁸ для исследования процесса изменения знаково-референтных отношений. Сначала знак отражает некую реальность, затем происходит ее искажение в знаке, далее происходит утрата связи с реальностью, которая маскируется в знаке и, наконец, наступает переход на стадию симуляции, на которой знак более не имеет содержания, превращаясь в обозначающее без обозначаемого.

Понятие симулятивной реальности, с помощью которого может быть охарактеризовано современное информационное общество, становится основополагающим в данном контексте. Симуляция носит тотальный характер, определяя современное общество. Процессы виртуализации общественных отношений также тесно сопряжены с процессами трансформации творческой деятельности: «...процессы симуляции и виртуализации занимают значительное место в социокультурном пространстве современного общества. Наличие в

¹⁷⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

сегодняшнем виртуализированном обществе¹⁷⁹ симулятивной деятельности позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и о призрачности и нестабильности социального бытия, что еще раз свидетельствует о кризисе идентичности в ситуации постмодерна»¹⁸⁰. Подобные рассуждения уже на данном этапе приводят нас к различению трех составных компонентов в структуре информационного общества, которые взаимоопределяют друг друга, с разных сторон освещая один и тот же процесс – процесс трансформации творческой деятельности. Мы говорим о кризисе идентичности, изменении механизмов коммуникации и, наконец, трансформации способа бытия человека в мире.

Проблема самоидентификации человека возникает, поскольку процесс идентификации теперь проходит сквозь призму восприятия человека Другим. Проблема идентификации и определения человеком своего места в структуре социальной реальности находит отражение в рамках теории общества потребления, предложенной Ж. Бодрийяром. Рассуждая о том образе, который создает человек, он показывает, что реальное и нереальное в современном обществе слились настолько, что между ними не видно различия, и образ, создаваемый человеком, по сути, единственное, что от него остается.

Бодрийяр замечает, что в обществе потребления не потребности являются основанием для производства, а наоборот, предложение формирует спрос и отчуждение проявляется в этом постоянном эффекте подобия, когда реальность заменяется на гиперреальность, наполненную симулякрами¹⁸¹. Сам субъект утрачивает статус субъекта, прерывая, тем самым процесс социального взаимодействия: «Личность в качестве абсолютной ценности, с ее неуничтожимыми чертами и специфическим значением, такая, какой ее выковала западная традиция в организаторском мифе о Субъекте, с его страстями, волей, характером или...его банальностью, эта личность отсутствует, она мертва,

¹⁷⁹ Брыгалина, Ю. И. Современное общество в эпоху Интернета: проблема виртуализации / Ю. И. Брыгалина // Дефиниции культуры. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001. – С. 369-395.

¹⁸⁰ Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал, 2016. – №3(23). – С. 94.

¹⁸¹ Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: РУДОМИНО, 1999. – С. 177 – 179.

выметена из нашей функциональной вселенной. И именно эта отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится «персонализироваться».¹⁸² Понятие функциональной вселенной очень метко описывает то состояние, в котором находится современное общество. Выполнение определенных функций в обществе превращает человека из свободного творца в функционального исполнителя, деятельность которого не может быть названа творческой. В этой новой реальности мы можем говорить о феномене симулятивного творчества или творчества отчужденного, что представляет собой одно и то же.

Коммуникация, или социальное взаимодействие, как следующий компонент информационного общества, подразумевает наличие нескольких субъектов данного взаимодействия, между которыми образуются определенные связи. Возникающее в этой структуре отчуждение изменяет сложившиеся социальные отношения. В качестве субъекта отчуждения может выступать отдельный индивид или группа. Основополагающим, на наш взгляд, является межличностное взаимодействие, и, соответственно, проблема возникновения межличностного отчуждения. Поскольку коммуникация на данном уровне подразумевает осознание «инаковости» другого человека, что тесно связано с процессом самоидентификации, данный тип отчуждения связан с понятиями «Свой» и «Чужой». Превращение «Своего» в чуждую человеку силу мы и называли отчуждением.

Однако в процессе социальной коммуникации человек может стать чужим не только для одного конкретного человека, но и для группы людей, что приводит нас к понятию внутригруппового отчуждения, к теме конфликтов и маргинальности социальных субъектов как проявления социального отчуждения. В этой связи, нам представляется важной проблема диалога, развиваемая в работах М. Бубера и Э. Левинаса¹⁸³, показывающая необходимость поиска

¹⁸² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 119.

¹⁸³ Levinas E. Otherwise than being or beyond essence / E. Levinas. – The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1991. – 200 p.

особого вида коммуникации, который бы способствовал преодолению социального отчуждения.

Безусловно, в процессе социального взаимодействия отчуждение так или иначе связано с отношениями человека с другими людьми. В современном обществе это выражается в образе, который создает для себя человек. Другой становится не просто участником коммуникации, а неким судьей, который воспринимает созданный человеком образ и оценивает его. Таким образом, на передний план выходит не то, как человек сам себя оценивает, а то, что о нем думают другие, как другие воспринимают созданный им образ.

Ж. Бодрийяр в своем анализе современного общества приходит к следующему выводу: исчезновение оппозиции приватное/публичное ведет к возникновению обценного - того, что уничтожает даже ту репрезентацию нашего образа, которая придавала социальной жизни черты спектакля, сохраняя, тем самым, некую видимость коммуникации: «Обценное начинается, прежде всего, там, где больше нет спектакля, нет сцены, где все становится прозрачным и непосредственно видимым, где всякая вещь выставлена в жестком и безжалостном свете информации и коммуникации. Мы уже не часть драмы отчуждения, мы живем в экстазе коммуникации. И это экстаз обценного. Обценное – это то, что искореняет всякое зеркало, всякий взгляд, всякий образ. Обценное приводит к концу всякой репрезентации»¹⁸⁴.

Коммуникативный аспект трансформации творческой деятельности также включает в себя проблему взаимодействия человека с окружающими его вещами. Подобные рассуждения встречаются уже в работах К. Маркса в связи с критикой частной собственности. Следствием фетишизации вещей становится господство системы образов, не имеющей связи с оригиналом, – симулятивность социальной реальности. Иными словами, отчуждение продуктов труда, описанное К. Марксом в «Экономико-философских рукописях 1844 г.», предваряет предложенную Ж. Бодрийяром теорию господства вещей в гиперреальном мире: вещи определяют

¹⁸⁴ Baudrillard J. The Ecstasy of Communication / J. Baudrillard // The Anti-Aesthetic essays on Postmodern culture. – Port Townsend, Washington : Bay Press, 1983. – P. 130.

людей, переставая быть лишь продуктом их деятельности: «Вещи не составляют ни флоры, ни фауны. Однако они создают явное впечатление размножающейся растительности или джунглей, где новый дикий человек современности с трудом отыскивает вновь проявления цивилизации», и далее: «Самой поражающей характерной чертой современного города является, конечно, нагромождение, изобилие предметов»¹⁸⁵.

Важную роль в современном мире играет информационная сфера социального взаимодействия. Причиной отчуждения в этой сфере может стать разрыв между производителем информации и ее потребителем. Особую проблему в информационном взаимодействии представляет эффект анонимности, который позволяет человеку остаться неизвестным в процессе социального взаимодействия. Подобная ситуация приводит к возникновению еще одной формы отчуждения, связанной со стремлением избежать ответственности за свои действия, раствориться в толпе, что является признаком искаженной, трансформированной коммуникации.

Таким образом, в отношении пространства социального мы можем говорить о симулятивной реальности, которая фундирует новый тип социальной коммуникации и в целом определяет новый способ бытия человека в мире. Возникает необходимость каким-то образом вписать творчество в трансформированную социальную реальность, обозначенную Ж. Бодрийяром термином гиперреальность. Понятие гиперреальности, которое появляется в ранней работе Бодрийяра – «Система вещей» (1968), отсылает нас к некоему навязыванию реальности, которая своей навязчивостью пытается скрыть отсутствие «присутствия», т.е. факт поглощения реальности гиперреальностью: Левинасовское безличное наличие оборачивается здесь олицетворенным отсутствием – реальностью без реальности. Каково место продуктивной деятельности в обществе, в котором царит симулякр? Симулятивность становится основным свойством реальности, соответственно, все сферы деятельности

¹⁸⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – С. 6.

человека подвержены этой симулятивности. Возникает вопрос: возможна ли продуктивная деятельность в репродуктивном обществе? Возможно ли творчество в пространстве симулятивного? Ярким примером подобной симулятивности, которая, по сути, является новой формой отчуждения в современном обществе – отчуждением творчества, является проблема создания «нового» в сфере научных исследований.

В качестве примера можно привести проблему философского исследования на уровне студентов университета. Подобное исследование может закончиться, так и не начавшись, и проблема здесь в творческой активности субъекта, которая перестает быть творческой. Симулятивность творчества проявляется в форме бездумного поглощения информации, которая ранее добывалась в результате творческого усилия, а теперь доступна в виде информации различного толка, среди которой все сложнее становится отыскать что-то полезное. В связи с этим возникает еще один вопрос – когда творчество перестает быть творчеством? Ведь не всякое исследование заканчивается неудачей, и мы по-прежнему говорим о научном творчестве, как о чем-то актуальном. Следовательно, симулятивность творчества – это явление, которое может быть преодолено, однако условия, созданные в современном социуме, с необходимостью приводят к разрастанию этого явления до уровня всей социальной реальности.

Интересны, в связи с этим, рассуждения о взаимосвязи творчества и диалога. Существует определенная связь между творчеством как способом бытия человека и системой социального взаимодействия, в которую он включен: «Желание созидать, творить основывается на диалогических отношениях, в них реализуются все креативные потенции личности. Диалог – это способ подлинно человеческого бытия, поскольку человек познает и преобразовывает мир в диалоге»¹⁸⁶. Как творческая способность, будучи отчужденной, оставляет человека в мире объективации, так и утрата истинного отношения к Другому превращает человека в объект среди других объектов.

¹⁸⁶ Немчинова А. Л. Креативная сущность диалога / А. Л. Немчинова // Вестник АГТУ. – Астрахань, 2013. – №1 (55). – С. 76.

Как было сказано ранее, симулятивный характер творчества в современном обществе проявляется в трех отношениях: как кризис идентификации, трансформация коммуникации как основного свойства социальности (что приводит к объективирующему отношению между участниками диалога), и, наконец, как изменение в структуре творческой деятельности, подмена продуктивной деятельности репродуктивной, воспроизводящей. Иными словами, творческой деятельностью мы можем назвать деятельность человека, осуществляемую на трех уровнях: внутренний, как самоидентификация, внешний, как коммуникация, и бытийный, как способ существования человека в мире. Отчуждение этой деятельности, соответственно, проявляется как самоотчуждение, как отчуждение в процессе коммуникации (понимая коммуникацию как взаимодействие с внешним миром, мы относим сюда и взаимодействие с вещами, что особенно актуально в обществе потребления) и, наконец, как изменение способа бытия человека.

Таким образом, отчуждение встроено в систему социального функционирования, и, тем самым, постоянно присутствует в структуре социальной реальности. В связи с этим возникает вопрос о возможности ликвидации отчуждения и способах его преодоления. Здесь можно согласиться с Г. С. Киселевым, который выделяет различные виды отчуждения в связи с этой проблемой: «...определенные виды отчуждения следует признать врожденной и непреходящей чертой социальности, другие же имеют исторический характер: они появляются и в свое время отмирают»¹⁸⁷. Отчуждение представляет собой феномен социальной реальности и социальный процесс, результатом которого становится утрата индивидом его сущностных характеристик на одном из уровней социального взаимодействия. Подобные рассуждения приводят к возможности построения целостной теории отчуждения в условиях современной социальной реальности, в основе которой будет симулятивное творчество информационной эпохи.

¹⁸⁷ Киселев Г. С. Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия / Г. С. Киселев. – М.: Наука, 1999. – С.12.

В информационном обществе социальное отчуждение как процесс представляет собой соединение двух взаимосвязанных компонентов: разрушения механизма свободной коммуникации и возрастания власти техники над человеческой личностью. Рассуждения о тотальной механизации и компьютеризации в рамках исследования феномена творчества могут быть интересны не столько как критика общества потребления и виртуальной реальности, сколько в качестве некой основы, на которой выстраивается универсальная теория отчуждения – теория отчуждения творчества.

Причин назвать такую теорию универсальной несколько: прежде всего, творческая деятельность, понимаемая как деятельность продуктивная, включает не только производство каких-либо продуктов (будь то произведения искусства или же научные исследования), но и диалог как имманентную основу творческой деятельности. Помимо этого, творческая деятельность, пропущенная сквозь призму гиперреальности, приобретает симулятивный характер, наделяя этой симулятивностью все компоненты, входящие в ее структуру. Соответственно, отчуждение творчества приводит к проявлению отчуждения на всех уровнях творческой деятельности. Начиная с кризиса самоидентификации, приводящего к трансформации коммуникации, мы приходим к утверждению нового способа бытия человека в условиях симулятивной реальности, используя термин «отчуждение творчества».

Таким образом, реализовать себя в творчестве значит не только увидеть результат своей работы. Творческая самореализация включает все указанные уровни: внутренний, связанный с самоидентификацией, то есть с оправданием творчества в себе; внешний, связанный с коммуникацией, то есть признание творчества Другим; и бытийный, отсылающий к поддержанию определенного способа существования человека в обществе, оправданию себя в творчестве. «Творчество в себе» – это та внутренняя потребность, которую каждый надеется удовлетворить. Для оправдания творчества в себе человеку необходимо сформировать собственный взгляд на себя, прийти к себе, отыскать ту скрытую в нем силу, которая впоследствии будет требовать овнешнения, которая позволит

ему создать нечто оформленное, завершенное. И этот аспект самореализации наиболее субъективен. Он требует критической рефлексии, интроспекции. Заглянуть в себя и увидеть эту потребность, эту силу – первая задача человека творящего. Механика этого процесса не может быть описана внешним наблюдателем, однако механизм творчества не запускается и не навязывается извне, поэтому стадия интроспекции – неотъемлемая часть творческого пути.

Общество оказывает внешнее воздействие на человека, мы – часть структуры, которая формирует нас и подталкивает к определенным действиям, однако без этого осознания человек не почувствует потребности воплотить свое внутреннее содержание, сделать его предметом рассмотрения, а значит оценивания и критики. Мы можем назвать это волей к творению, волей, которая, по аналогии с волей к власти, содержится в каждом человеке, но с разной степенью интенсивности. Ведь мало получить внешний запрос – вызов, на который нужно ответить, необходимо также увидеть в себе силы дать этот самый ответ.

О каком бы виде творчества не шла речь, этот механизм работает одинаково – кто-то может бесконечно рассуждать о необходимости нового, о проблемах, которые нужно решить или осветить, будь то художественное произведение или научный труд, а кто-то на этот вызов отвечает, потому что не может не ответить, потому что внутреннее содержание требует воплощения. Об этом пишет А. Тойнби, когда создает концепцию «вызов-ответ». Любая эпоха бросает вызов обществу, ответ на который дается в разных формах творческой деятельности. Ведь историческая ситуация, политические, социокультурные условия – это те факторы, которые формируют человека определенной эпохи, и формируют тип человека, который способен дать ответ. Отсюда и смена стилей, направлений, концептов.

Информационная эпоха, в отношении которой мы говорим о наиболее ярком проявлении отчужденного творчества, в этом плане интересна для нас теми условиями, в которых происходит формирование нового типа человека. Почему сейчас так много споров относительно того, что признавать продуктом

творчества, а что нет? И кого называть человеком творческим? Прежде всего, изменилась сама реальность. И мы здесь говорим не просто об изменениях в культуре, а именно о том пространстве, в котором существует современный человек. Исчезает четкая граница между частным и публичным. Ж. Бодрийяр вводит понятие обшечного – пространства, в котором частное сливается с публичным.

Теперь человек имеет бесконечное количество возможностей быть на виду, что оборачивается для него утратой личного пространства, которое раньше оберегало его от резкого столкновения с внешней реальностью. Оказываясь под пристальным взглядом Другого, который может быть, в свою очередь, невидим для нас, мы растворяем собственную идентичность в мире внешнего. С одной стороны, это создает иллюзию постоянного присутствия, собственной нужности и незаменимости, а с другой стороны, мы постепенно лишаемся внутреннего содержания, что оборачивается неспособностью создать что-то, чем можно было бы эту незаменимость подтвердить.

Человек растрчивает силы на поддержание ложной коммуникации, вместо того, чтобы накапливать их для установления коммуникации истинной. Касается это не только виртуальной реальности, в отношении которой сегодня возникает жесткая необходимость выработать некий защитный барьер, или скорее фильтр. Речь идет и о реальном взаимодействии, которое так же, поддаваясь законам виртуальности, приобретает налет механистичности, и поэтому может быть названо ложным. Об этом пишет Ю. Хабермас¹⁸⁸, разделяя ложную и истинную коммуникацию. Таким образом, те условия, в которых формируется современный человек, требуют от него гораздо большей устойчивости в отношении внешней среды, которая до недавнего времени не была столь агрессивна по отношению к человеку.

Какой же вызов бросает человеку эпоха информатизации и виртуализации? По всей видимости, этот вызов заключен в следующем: научиться, не растворяясь в потоке информации, отличать существенное от несущественного, научиться

¹⁸⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб, 2000. – 380 с.

превращать информацию в знание, поскольку этот навык теперь требует гораздо больших усилий. Обладая доступом ко всем возможным информационным ресурсам, человек рискует стать потребителем, а не творцом. Потребление информации не обогатит внутреннего содержания, а может даже свести его к нулю, поскольку этот процесс меняет саму способность человека к освоению нового. Зачем помнить о чем-то, если все можно за секунды найти в Интернете? Так человек превращается в собственное подобие, в субъекта без содержания.

Таким образом, кризис идентификации – это та проблема, которая должна быть решена в первую очередь. И сам процесс решения этой проблемы уже есть творчество, поскольку человек заново творит себя, чтобы быть способным создать нечто новое или же испытывает потребность создать нечто новое, чтобы найти в этом процессе себя. Речь здесь не идет о временной последовательности, поскольку все эти аспекты тесно взаимосвязаны и не существуют один без другого.

Далее, от ступени оправдания творчества в себе, мы подходим к коммуникативному аспекту этой деятельности. С большей или меньшей степенью осознанности, но человек всегда создает что-то для Другого, который оценивает, а значит придает ценность продукту творчества. Мы не говорим о стремлении к признанию или к славе в данном случае. Автор может оставаться анонимным, но это не значит, что созданное им произведение не нуждается в зрителе. Сама структура общества подразумевает коммуникацию как неотъемлемое свойство социальности. Однако исследование феномена творчества требует исходить из индивидуального, не оставляя без внимания всеобщее: человек может еще быть частью структуры, не рассматривая ее как тотальность. Таким образом, анализ всеобщего и индивидуального подразумевает исследование коммуникации, а именно, диалога, как основы творческой деятельности.

Обращаясь к философии диалога, необходимо учитывать специфику данного направления в философии. В диалоге, как особенной коммуникативной схеме, предполагается равенство сторон, возникает понятие другого – неотъемлемой составляющей диалога. Диалогизм как философское направление

возникает в процессе перехода от абстрактного отношения субъект – объект к личностному взаимодействию в диалоге: «Диалог (греч. Dialogos – беседа) – информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание»¹⁸⁹.

Необходимо разграничить диалог в традиционном понимании, т.е. логический диалог, и диалог в современном понимании – феноменологический: «В логическом диалоге связь осуществляется через сферу общезначимого, через речь (логос), и гарантом понимания является полнота перевоплощения в речевого субъекта, что оборачивается репрессией индивидуального. Феноменологический диалог – непосредственный обмен и перевод между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности; кроме диалогизирующих ничего и никого нет. Возможность взаимопонимания, обоснованная смысловыми параллелями, сходными трансцендентальными структурами и подобием организаций сознания, не гарантирует адекватности перевода. Полнота понимания может быть обеспечена только знанием языка Другого во всей его специфике»¹⁹⁰. Именно о феноменологическом понимании диалога пойдет речь в рамках данного исследования.

Тема диалога и коммуникации¹⁹¹ выходит на первый план в философии XX века, что было связано, в первую очередь, с культурно – исторической ситуацией, о которой мы вкратце говорили выше. В ситуации атомизированного общества с царящим в нем отчуждением, возникает потребность в поиске нового отношения к миру. Открытие диалога, как обращения к «Ты», меняет отношение к творческой деятельности, утверждая диалогическую основу творчества. М. Бубер выделяет два базисных типа отношения человека к бытию: Я – Ты и Я – Оно. Человек определяет свое отношение к Другому (миру, другим людям) посредством двух главных слов: «Ты» и «Оно». Поскольку человек способен двояко соотнести себя с миром, мир для него раскрывается в своей двойственности. Мир как «Оно» есть

¹⁸⁹ Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. ред. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – С. 144.

¹⁹⁰ Там же. – С. 144.

¹⁹¹ Чекушкина Е. Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества / Е. Н. Чекушкина // Теория и практика общественного развития, 2014. – №1. – С. 25-27.

мир вещей и воспринимаемых человеком процессов. Такой мир характеризуется постоянством и надежностью, поскольку процессы, происходящие в нем закономерны. Однако, выбирая такое отношение к миру, человек сам становится вещью среди вещей.

Основное слово «Оно», по Буберу, никогда не может быть сказано всем существом. Оно (Он, Она) образуют сферу механических взаимоотношений, которые не задействуют внутреннего существа человека. Это – сфера опыта, знания, обладания и распоряжения, вещного и предметного. Оно – предмет коммуникации, но не сама коммуникация. В отношении к нему нет действительности отношения и подлинности присутствия. «Оно» всегда подразумевает нечто, содержит в себе предметность, в то время как «Ты» безгранично: «Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто как объектом. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другими Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но когда говорится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично»¹⁹².

Следовательно, отношение Я – Ты является истинным отношением, поскольку исключает всякое опредмечивание. В ситуации, когда мир выступает по отношению к человеку как Ты, каждое явление превращается в особый смысл, в результате знаки, вещи становятся сущностями. М. Бубер дает следующую характеристику основному слову «Я – Ты»: «Если я обращен к человеку, как к своему Ты, если я говорю ему основное слово Я – Ты, то он не вещь среди вещей и не состоит из вещей. Он уже не есть Он или Она, отграниченный от других Он и Она; он не есть точка, отнесенная к пространственно-временной сетке мира, и не структура, которую можно изучить и описать – непрочное объединение обозначенных словами свойств. Нет: лишенный всяких свойств и соединительных нитей, он есть Ты и заполняет собою небосвод. Не то чтобы не было ничего другого, кроме него, но все другое живет в его свете»¹⁹³. В отношении «Я – Ты» заключена подлинность человеческого существования. В подобном отношении к

¹⁹² Бубер М. Я и Ты / М. Бубер // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt> (дата обращения 02.06.2018).

¹⁹³ Там же.

миру существует перспектива творчества, потому что именно в таком взаимодействии заложена возможность диалога.

Таким образом, диалог становится не просто неким процессом коммуникации, но подразумевает непосредственное присутствие Другого. Диалог должен задействовать все существо человека. Коммуникация в данном контексте впервые становится предметом философского осмысления – диалог воспринимается как критерий осмысления бытия человека, становится не просто способом межличностной коммуникации, но самоценным началом мира.

Диалог, таким образом, приобретает ярко выраженную связь с подлинным существованием человека. Неподлинность и отчужденность были для Бубера характеристиками современной культуры, в целом, и европейского рационализма, в частности. Предлагая в качестве решения общение с другими личностями, Бубер, если не решает проблему отчуждения до конца, то высвечивает суть этой проблемы. Диалог у него становится тем обновленным видом коммуникации, в котором нуждается современное общество, находящееся во власти тотальной рационализации всех сфер человеческого бытия.

Еще один представитель философии диалога, Э. Левинас, трактует встречу с Другим или Ближним не как симметричное отношение, а скорее, как событие, которое мы не можем предвидеть. Вся сила Другого заключается в его бытии другим, в его другости, как отмечает Левинас. Другого нельзя присвоить, сделать объектом: «другой не положен у меня изначально как свобода, ибо в такую его характеристику сразу бы закладывалась неудача общения. Ведь не может быть иных отношений со свободой, кроме как подчиниться самому или поработить другого»¹⁹⁴. Через понятие Другого раскрывается проблема смысла, поскольку Другой «есть смысл как первоисток, ибо наделяет смыслом выражение, и только через него такой феномен, как значение, внедряется в бытие»¹⁹⁵.

Категория Другого в философии Левинаса коррелирует с еще одной важной категорией – лицом. Появление Другого существа – это лицо, эпифания лица,

¹⁹⁴ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высш. Религ.-филос. школа, 1998. – С. 95.

¹⁹⁵ Там же. – С. 167.

посещение. Лицо характеризуется своей наготой – лишенностью всякого культурного покрова. Лицо требует своего признания, признания своей наготы и нищеты. Перед лицом, Другим, возникает ответственность, причем «такая ответственность не превращает Я в момент вселенского строя, но подтверждает его неповторимость». И далее: «Неповторимость Я заключается в том, что никто не может ответить вместо меня»¹⁹⁶. Таким образом, отношение между Я и наготой лица Другого – это отношение ответственности, на котором базируются описываемые во «Времени и Другом» отношения «любви» и «отцовства» как центральные формы переживания друг друга в диалоге.

Возвращаясь к вопросу о социальной структуре, в которой человеческая деятельность становится творчеством, мы приходим к выводу о необходимости найти переход от уровня индивидуального бытия к уровню общественному. В связи с этим Э. Левинас формулирует положение о возможности, исходя из собственной идентичности, не оставлять без внимания всеобщее: «...есть еще время для того, чтобы люди, существуя, конечно же, совместно, опирались тем не менее каждый на себя, а не на тотальность. Мысль о бытии, выходящем за рамки истории, предполагает существование людей, одновременно включенных в бытие и обладающих чертами личности, способны отвечать за свою жизнь, стало быть, уже взрослых, то есть способных говорить от своего имени, а не повторять анонимные слова, диктуемые им историей»¹⁹⁷.

В рамках философии диалога можно говорить о формировании нового типа социальности: «Если прежде – в условиях доминирования «классических» форм социальности – стояла задача подтянуть индивидуальное начало под всеобщее в человеке, то теперь актуально обратное: всеобщее может быть возрождено через обращение к идее человеческой самости»¹⁹⁸. Подобный акцент на индивидуальном

¹⁹⁶ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высш. Религ.-филос. школа, 1998. – С. 171.

¹⁹⁷ Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – М.: СПб.: Университетская книга. – 2000. – С. 68.

¹⁹⁸ Шайхитдинова С. К. Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения / С. К. Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004. – С. 277.

в системе индивид – общество отсылает к персонализму как единственно возможному подходу в интерпретации творчества.

Проблема коммуникации, к которой обращаются представители диалогизма, тесно связана с персоналистическим восприятием бытия и почти не затрагивает понятия социальности. Категория Другого ограничивает рамки диалога. «Мы», как это звучит у Бубера, – это тот предел социальности, который заложен в концепции диалога. Не будет преувеличением сказать, что диалог меняет фокус социальности, воспринимая ее с позиции экзистенциального Я. В отличие от дихотомии индивидуализм – коллективизм, в персонализме нет противопоставления личности, как автономной и атомизированной единицы, и общества, как довлеющего над ней целого. Персонализм¹⁹⁹ открывает путь к диалогу.

Установка на творческую активность человека со всей очевидностью предполагает также установку на персонализм в философии, яркий пример которого – философская система Н. А. Бердяева. Сам он характеризовал свою философию как антииерархический персонализм: «Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит права различать личности на основании привилегий, т. е. на основании различия социального положения. Смысл социального уравнивания в направлении бесклассовой структуры общества как раз и должен заключаться в выявлении личного неравенства людей, качественного различия, не по положению, а по существу. Так прихожу я к антииерархическому персонализму»²⁰⁰. Персонализм Бердяева проявляется, с одной стороны, в отрицании общественных структур, иерархий, которые объективируют личность, превращая общество в пространство отчуждения, с другой стороны, – в провозглашении творчества основой истинного существования человека.

Персоналистическая философия Н. А. Бердяева также открывает путь к пониманию отчуждения не только как отчуждения продуктов творчества, но,

¹⁹⁹ Интыгмакова Л. Г. Персонализм: личность как первичная творческая реальность / Л. Г. Интыгмакова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова, 2014. – С. 292-296.

²⁰⁰ Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000. – С. 11.

прежде всего, отчуждения самого творчества как особого способа бытия человека – проблемы, с которой сталкивается современное общество. Отчуждение творчества есть отчуждение деятельной, продуктивной способности человека, ведущее за собой застытие личности в бесконечной веренице репродуктивной иллюзорности существования. Только в возвращении творчеству статуса главного бытийного принципа заключен выход из состояния отчуждения: «Творчество, творческое отношение ко всей жизни есть не право человека, а долг и обязанность человека. Творческое напряжение есть нравственный императив, и притом во всех сферах жизни»²⁰¹.

Если мы устанавливаем в основе творчества диалогические отношения, возникает вопрос: как влияет изменение этих отношений на творческую деятельность? Возьмем в качестве примера трансформированного диалога эффект анонимности, порождаемый условиями виртуализированного информационного общества. Эффект анонимности, возможность сбежать от себя, предоставляемая индивиду в поле виртуального, приводит к трансформации как самой социальной сферы, в которую включен данный индивид, так и к изменению способа бытия человека в поле социального.

Продуктивная деятельность человека сопряжена с диалогом (поскольку она уже есть некая деятельность, а значит взаимодействие), следовательно, утрата диалогического отношения к реальности ведет к отчуждению творческой деятельности как исключительной способности человека. Диалог выступает в данном контексте в качестве базиса – основы, на которой зиждется творчество. Человек, независимо от целей, преследуемых в творчестве, всегда создает что-либо с оглядкой на Другого как на оценивающего и, тем самым, придающего ценность продукту творчества.

Подобные рассуждения приводят к следующему выводу: диалогическое отношение к миру является единственно возможным способом создания качественно нового в любой сфере человеческой деятельности. Другой, благодаря которому появляется возможность установить отношение «Я – Ты» (в терминах

²⁰¹ Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000. – С. 160.

М. Бубера), является для нас, в конечном итоге, той целью, которую мы ошибочно пытаемся найти в самом процессе творчества. Творчество как процесс как раз исключает и должно исключать всякую цель, поскольку процессуальность есть движение, причем движение не предзаданное, а значит не контролируемое. По этой причине, задание цели, искусственное создание финальной точки, которая становится точкой отсчета, может быть только неким идеальным образом, за которым следует человек творящий:

Тем идеал священен и велик,
 Что мы достичь его вершин не в силах,
 Но юноша, и дева, и старик
 Перестают томиться им... в могилах.
 Как радуга сияет идеал...
 Мы знаем все, что радуга – виденье,
 Но идеал так мощно б не блистал,
 Когда б свои мы поняли стремленья...
 Он навсегда б, как метеор, угас,
 Когда б мы все пришли к его вершине...
 И вера в жизнь и свет исчезли в нас,
 И мы все умерли б, тоскуя о святыне²⁰².

Попытка упорядочить творческую деятельность, посредством задания цели и разделения ее на этапы по достижению этой цели, приводит к схематизации творчества, которая уничтожает его, превращая продуктивную деятельность в бесконечное воспроизводство заданного образца.

Единственным способом схватить творчество в его процессуальности становится такой взгляд на творческую деятельность, который устанавливает диалогическую природу этой деятельности. Диалогизм здесь так же предполагает некую процессуальность, что максимально сближает его с творчеством. Диалогическое отношение к реальности есть отношение выхода за пределы собственной субъективности, отбрасывание установленных форм и образов, а

²⁰² Ницше Ф. Идеал / Ф. Ницше // Странник и его тень. – СПб.: Азбука, 2011. – С. 201.

значит переход к бесформенности как источнику нового-в-потенции, как полю бесконечного количества возможностей.

Определение творчества, данное еще в эпоху античности, как перехода из небытия в бытие, задает определенный метод – метод творца, извлекающего из хаотичного потока возможностей нечто новое, ранее не бывшее, облекая его в форму и, тем самым, переводя из возможности в действительность. Диалог с реальностью в данном случае является точкой отсчета, с которой начинается всякое творчество. Человек творящий никогда не может быть замкнут на себе, в этом отличие персонализма от солипсизма.

Персонализм, утверждая человека, дает ему возможность увидеть себя глазами Другого. Этот взгляд, пожалуй, есть единственное оправдание нашего существования в творчестве. Солипсизм же, запирая человека в его собственном сознании, останавливает жизнеутверждающее движение, экстраполяцию воображения на внешнюю реальность. Мы тогда только живем творчеством и в творчестве, когда эта процессуальность, переход из хаоса к форме, из внутреннего во внешнее, становится неотъемлемым атрибутом нашего бытия в мире.

Диалогизм, утверждая персоналистическое видение реальности, утверждает, тем самым, и определенное к ней отношение. Деятельность человека, направленная на поддержание данного отношения, с необходимостью разрушает схематизм, заложенный в сознании и позволяющий конструировать образы, не привносящие в реальность ничего качественно нового. Однако разрушение старого и устоявшегося образа мыслей, порядка вещей, не приводит автоматически к появлению нового. Отбрасывание старого – это всегда риск, риск оставить реальность незаполненной, с одной стороны, и риск раствориться в жизненном потоке, поддаться власти хаотического, не создав при этом никакого продукта. Для человека творящего первоочередную значимость приобретает сам акт творческой деятельности – акт поддержания диалога с реальностью, поскольку именно в нем происходит самоактуализация, оправдание творчества в себе.

Наконец, третий аспект творческой самореализации – оправдание себя в творчестве – подразумевает анализ творчества как особого способа бытия

человека. Как было сказано выше, диалогическая природа творчества подразумевает установление и поддержание некоего отношения с реальностью, которое обуславливает процесс создания нового. Онтологический аспект творчества интересен для нас тем, что в современном мире особенно актуален призыв Бердяева жить в творчестве и жить творчеством. Однако этот призыв в условиях информационного общества может обернуться ситуацией, когда каждый считает себя способным к подобной деятельности. В данном случае, некий объективный критерий все же необходим, поскольку речь идет не о внутреннем переживании человека, а о внешнем воплощении его внутреннего содержания.

Одним из следствий процессов информатизации и виртуализации является безмерная вера человека в собственную уникальность и значимость. Иллюзия того, что человек с техническим прогрессом становится едва ли не всесильным, чрезвычайно прижилась в общественном сознании. Однако развитие общества в целом не подразумевает пропорциональное развитие способностей каждого его члена. Об этом писал Ницше, когда определял человека своей эпохи, как рационализированный винтик в машине технического прогресса. Подобная ситуация сложилась и в эпоху информационного общества, когда об уникальности и индивидуальности говорится много, но уникальность эта облачается в совершенно иную форму.

От современного человека повсеместно требуют креативности и творческого подхода, но что скрывается за этими терминами? Чаще всего речь идет либо о нестандартном мышлении, а именно, о способности продуцировать новые идеи, и здесь на первый план выходит человек как исполнитель, функционер, от которого не требуется какой-то ответственности за реализацию этих идей, который останавливается лишь на одном этапе творчества, на этапе воображения. Большую популярность получают креативные группы, в которых эти новые идеи или концепты придумывают совместными усилиями. Корпоративный дух охватил все сферы общественной жизни. И в этом механизме отчужденное творчество может проявлять себя с наибольшей силой. Однако

подобное явление возникает неспроста, такая коллективная работа и является, по всей видимости, ответом на вызов информационной эпохи.

Как отмечалось, мышление трансформируется под воздействием условий современного общества, следовательно, человеку необходимо искать новые способы для творческой самореализации, среди которых появляется коллективное творчество. Проблема здесь заключается в том, насколько полно может реализовать себя человек в таком виде творчества. С одной стороны, конечный продукт может служить тем объективным критерием, по которому мы можем судить о творческом потенциале человека. Но каким образом оценивать вклад каждого участника данного процесса в создание творческого продукта? Подобные рассуждения приводят нас к мысли о том, что, в данном случае, человек, будучи частью группы, все же в определенной степени теряет возможность свободного творчества.

В заключение необходимо отметить, что эпоха информационного общества открывает перед индивидом массу возможностей для творческой самореализации, однако эта открытость и доступность может обернуться утратой способности к творчеству, отчуждением. Несмотря на это, процесс отчуждения творчества может привести и к позитивным результатам.

Задача творческой личности, задача философии в целом – осмыслить ситуацию отчуждения и изменить ее: «социальная действительность меняется сегодня гораздо быстрее, чем в прежние времена: формируются новые ценностные установки, непрерывно обновляется технологический облик культуры и связанные с информационной средой потребности людей. Поэтому в цифровую эпоху философы должны не только оберегать духовно-нравственные традиции, но и своевременно отвечать на вызовы времени, направлять свои знания на решение проблем, обращенных к будущему человечества. В условиях цифровой культуры философия должна осмыслить свои возможности, чтобы не только сохранить накопленный опыт различных интеллектуальных традиций, но

и продолжить движение вперед, обогатить мир новыми идеями, ценностями, подходами в решении социально значимых проблем»²⁰³.

Человек, осознавший необходимость ответить на вызов эпохи, и осознавший себя в условиях отчужденного творчества, может прийти к началу, а именно, к необходимости самоактуализации и самореализации. Ведь условия, в которых мы оказываемся, не установлены раз и навсегда, человеку на то и дана способность к творчеству, чтобы менять сложившуюся ситуацию и, тем самым, менять общественное устройство, культуру в целом.

По итогам данного параграфа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, творческая деятельность в условиях информационного общества претерпевает значительные изменения. В настоящее время человек сталкивается с необходимостью не столько преодолеть отчуждение в его локальных формах, сколько преодолеть отчуждение творческой, продуктивной деятельности, как особого способа бытия.

Во-вторых, отчуждение творчества проявляется на трех взаимосвязанных уровнях: как кризис идентификации, трансформация коммуникации и изменение способа бытия человека в обществе.

В-третьих, процесс творческой самореализации приобретает различные искаженные формы в виде коллективного и симулятивного творчества.

В-четвертых, процесс отчуждения творчества может способствовать осознанию индивидом иллюзорности его деятельности и запустить механизм самоактуализации на новом уровне.

²⁰³ Медведев Н. В., Бородуля А. А. Философия в информационном обществе // Н. В. Медведев, А. А. Бородуля // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Общественные науки. – Тамбов, 2018. – Т. 4, № 14. – С. 9.

§4. Креативность как современная форма отчужденного творчества

Многовековая история духовного развития человечества закрепила за творчеством статус особого рода деятельности, манящей своей таинственной непостижимостью. Философская мысль, в попытке раскрыть тайну творчества, облачалась в различные формы, рациональные и иррациональные, мистические и религиозные. Сегодня вопрос о роли творчества в жизни человека становится особенно актуальным, поскольку современная эпоха формирует запрос на переосмысление творчества в контексте становящегося информационного пространства и новой культуры, продуктом которой является современный человек. Творческий процесс разворачивается в новых для человека условиях, трансформируясь под влиянием этих условий. Информационная эпоха открывает широкий простор для творческой самореализации, но в то же время, ставит перед человеком задачу сформировать определенные методы, используя которые, он смог бы актуализировать себя как творческую личность, отвечающую запросам эпохи.

Информационное общество принято рассматривать в контексте развития креативных способностей личности, поскольку основным ресурсом становятся знания индивида, его способность к творческой деятельности. В свою очередь, возрастание роли знаний и информации ведет к акцентированию внимания на творческом характере деятельности, которая теперь связана с процессом самореализации индивида и изучением благоприятных условий для творчества. Информационное пространство, с одной стороны, создает такие условия, в которых человек в наибольшей мере способен реализовать творческий потенциал. С другой стороны, процессы виртуализации и компьютеризации могут приводить к обратному эффекту – отчуждению творчества. Симулятивный, отчужденный характер творчества в информационном обществе проявляется в виде кризиса идентификации, трансформации коммуникации и, наконец, изменения в самом процессе творческой деятельности, подмене продуктивной деятельности репродуктивной, воспроизводящей.

В информационную эпоху наряду с творческой деятельностью возникает понятие креативности. В современном обществе формируется образ творческого человека, которого отличает креативный подход. Под креативностью, как правило, понимается способность к творчеству, включающая множество навыков, которые и определяют эту способность. В словаре философских терминов дается следующее определение креативности: «основная и характерная черта творческой личности или процесса, выражающаяся в способности породить, созидать и изменять социум, культуру или индивидуальный опыт»²⁰⁴.

В современных исследованиях зачастую термины «творчество» и «креативность» понимаются как синонимы²⁰⁵. Так, к примеру, Тодд Любарт, анализируя понятие «креативность», дает следующее определение: «креативность – это способность создавать продукт, который обладает новизной и при этом соответствует контексту, в котором он находится»²⁰⁶, и далее: «с другой стороны, творческий продукт не может быть просто новым. Он должен быть еще и адаптивным, т. е. соответствующим разным ограничениям, накладываемым ситуацией, в которой находится человек»²⁰⁷. Такая взаимозаменяемость понятий говорит о том, что креативность, интерпретируемая как способность к творчеству, не противоречит содержанию исходного понятия, и не может быть отделена от него по какому-либо существенному признаку.

Помимо исследований, отождествляющих творчество и креативность, существуют работы, в которых креативность объявляется особым случаем творческой деятельности: «креативность является составляющей творчества, особым случаем творчества, это специфическая способность к творчеству как особое свойство творческой деятельности»²⁰⁸. Подобная трактовка понятия «креативность» приводит к сближению креативности и гениальности, что делает трудно определимым само понятие творчества, несмотря на указанное различие в

²⁰⁴ Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 269.

²⁰⁵ Эпистемология креативности // Князева Е. Н. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 520 с.

²⁰⁶ Любарт Т. Психология креативности / Т. Любарт. – М.: «Когито-Центр», 2009. – С. 20.

²⁰⁷ Там же. – С. 21.

²⁰⁸ Шамаева Р. М. Феномен креативности в контексте культуры / Р. М. Шамаева // Международный журнал исследований культуры, 2015. – №4(17). – С. 100.

содержании рассматриваемых понятий: «между понятиями «гениальность» и «креативность» существуют несомненные пересечения. Оба понятия в равной степени связаны с высшим проявлением творчества. Но понятие «гениальность» схватывает момент высшей степени проявления творческой способности сам по себе, понятие «креативность» вносит кроме такой качественной оценки значимости еще и указание на значимость (креативной личности или креативного продукта) с точки зрения социокультурной функции»²⁰⁹.

Такая интерпретация оборачивается, с одной стороны, упрощением понимания творческой деятельности, сведением ее к набору абстрактных характеристик личности, а, с другой стороны, размыванием понятия креативность, превращением его либо в некий трудноопределимый дар, присущий единицам, либо в способ практического применения результатов творчества. В связи с этим, актуальным становится исследование различий творчества и креативности в контексте современного общества. Креативность может быть определена как феномен информационной эпохи, поскольку в предшествующие эпохи в общественном сознании превалировало понятие творчества, которое со времен античности и вплоть до XX века не теряло своей актуальности и значимости.

Разграничить данные понятия возможно по содержанию творческого и креативного процессов. Так, в процессе творчества важную роль играет вдохновение, способности автора, среда, в которой разворачивается этот процесс. В свою очередь, отличительной чертой современной креативности является прагматический элемент – изначальная установка на продукт, который будет наиболее эффективен в данном месте, для данной аудитории. Так, американский психолог Р. Стернберг, автор инвестиционной теории креативности, отмечает, что в креативном мышлении особенно важны три интеллектуальных навыка: 1) умение посмотреть на проблему по-новому и выйти за рамки традиционного мышления; 2) умение распознать, какие идеи стоит развивать, а какие нет; 3)

²⁰⁹ Шамаева Р. М. Феномен креативности в контексте культуры / Р. М. Шамаева // Международный журнал исследований культуры, 2015. – №4(17). – С. 102.

знание того, как убедить других в ценности своих идей – как продать другим свои идеи²¹⁰. Таким образом, в креативном продукте творчество подчинено прагматической цели: заранее продумывается, что, где, как и для кого создавать, тогда как исходное понятие творчества первично и фундаментально. Следовательно, креативность – не синоним творчества, и не способность к творчеству, а некая технология организации творческого процесса, при этом синтез творчества и креативности стал возможен именно в условиях информационного общества.

Все рассмотренные интерпретации соотношения творчества и креативности указывают на необходимость анализа креативности применительно к современным условиям общественного развития. Креативность становится предметом исследования именно в информационную эпоху, поскольку меняется характер творческой деятельности, однако, на наш взгляд, креативность является не столько способностью или технологией творчества, но новой формой творческой деятельности. Креативность – это творчество информационной эпохи.

Американский экономист Р. Флорида, создатель теории «креативного класса», указывает на исключительную роль креативности в процессе развития общества: «Креативный класс обладает достаточной властью, талантом и численностью, для того чтобы сыграть большую роль в преобразовании мира. Его представители (по существу, все общество) имеют возможность превратить свою склонность к самоанализу и переоценке ценностей в реальную деятельность, направленную на более масштабное обновление и трансформацию социума»²¹¹.

Поскольку творческая деятельность предполагает создание нового, продукт деятельности становится своеобразным идентификатором этой новизны. Однако критерии оценивания творческого продукта сегодня особенно неясны, новизна зачастую подменяется креативной компиляцией, что усложняет и без того неоднозначный процесс его восприятия: «Для нас творчество — это акт синтеза, а

²¹⁰ Sternberg R. J. The nature of Creativity / R. J. Sternberg // Creativity Research Journal, 2006. – Vol. 18, No. 1. – P. 88.

²¹¹ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2002. – С. 18.

чтобы синтезировать и творить, нам необходимы стимулы — фрагменты старого, которые мы соединяем в новые, необычные комбинации; существующие модели, которые *можно* деконструировать и превзойти. <...> Чем больше людей зарабатывает на жизнь творчеством, тем выше ценится эта область опыта, перерастая в насущную необходимость»²¹².

Флорида характеризует современную эпоху как креативную, отмечая, что задачей современного человека становится создание новых форм социальной сплоченности, поскольку старые формы не подходят новому типу людей. О таком «новом человеке» пишет и Э. Тоффлер, отмечая цикличность появления этого образа в истории: «...есть ли среди нас люди будущего – ожидаемые граждане, если можно так выразиться, грядущей цивилизации Третьей волны? Можно ли за окружающим нас упадком и дезинтеграцией разглядеть появляющиеся контуры личности будущего – пришествие, так сказать, «нового человека»? Если да, то это не первый раз, когда на горизонте появляется *un homme nouveau*»²¹³.

По утверждению Тоффлера, наступление информационной эпохи ведет к возникновению класса более самостоятельных работников, которых отличает высокая степень ответственности и склонность к творческой работе: «С наступлением на наше общество Третьей волны работа становится все более разнообразной, менее фрагментированной, каждый выполняет более крупное, а не мелкое задание. Гибкий график и свободный темп заменяют прежнюю потребность в массовой синхронизации поведения. Работникам приходится справляться с более частыми переменами в их работе, а также со сбивающим с толку чередованием переводов персонала, изменений продукции и реорганизаций»²¹⁴. Таких людей также отличает индивидуализм, нонконформизм и креативность – черты личности, формирующие новый социальный характер.

Как замечает Р. Флорида, определяющую роль в процессе возникновения разнообразных форм креативности играет социокультурная среда, речь идет о

²¹² Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2002. – С. 213.

²¹³ Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – С. 258.

²¹⁴ Там же. – С. 261.

возникновении «нового креативного этоса», который будет определять характер современной эпохи²¹⁵. Концепт креативного этоса включает высокую оценку творческого начала, индивидуальность, оригинальность и личные качества. Иными словами, информационное общество создает потребность в творческих людях, обладающих указанными качествами, и отвечающих запросу новой эпохи. Творческий человек, по мысли Флориды, представляет собой важнейший ресурс информационной эпохи, становясь представителем новой господствующей тенденции.

По мысли Ф. Уэбстера, аудитория, которая воспринимает и оценивает некий продукт, теперь также креативна, она «обладает самосознанием и рефлексией и все новые знаки встречает скептически и насмешливо, а потому легко извращает, переинтерпретирует и преломляет их первоначальный смысл. Поскольку знание, полученное через непосредственный опыт, утрачивает свои позиции, становится очевидным, что знаки больше не представляют прямо что-либо или кого-либо. Понятие о том, что знак представляет какую-либо реальность, помимо собственной, теряет достоверность»²¹⁶.

Таким образом, проанализировав содержание концепта «креативность» в современную эпоху, можно заключить, что креативность не эквивалентна творчеству и не подменяет собой данное понятие, однако на информационной стадии развития общества именно понятие креативности выходит на первый план. Этот уклон в сторону прагматики можно объяснить особенностями культуры, в рамках которой формируется ориентация на результат, а не на процесс творчества. Продукт творчества есть то, что можно потребить, приобщившись, таким образом, к процессу. Иначе говоря, результат творческой деятельности становится самоцелью, как для создателя, так и для воспринимающей аудитории. В связи с этим, возрождается марксистская проблематика отчуждения продуктов деятельности и связанного с ним самоотчуждения человека.

²¹⁵ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2002. – С. 22.

²¹⁶ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 17.

На первый взгляд, информационная эпоха, предоставляя человеку беспрецедентную свободу в отношении самореализации, казалось бы, должна снять проблему отчуждения, потому как человек имеет возможность в виде информации присвоить все – собственное и чужое. Однако отчуждение не только остается в качестве элемента социальной структуры, но и превращается, наряду с коммуникацией, в структурирующий элемент социальности. Чем это может быть обусловлено? В акте присвоения не преодолевается отчуждение, поскольку суть снятия отчуждения не в том, чтобы вернуть утраченное. Это подводит нас к вопросу о современном понимании отчуждения. Данный феномен может быть осмыслен в условиях современного общества как некое состояние, в котором субъект отчуждения, индивид, может долгое время успешно функционировать в социальной структуре, частью которой он является. Отчуждение, в данном случае, поддерживает процесс социального функционирования по заданным схемам, поскольку отчужденное состояние не переживается индивидом как таковое, а становится механизмом встраивания в социальную структуру.

В большей степени этот процесс может проиллюстрировать именно творческая деятельность, которая, на наш взгляд, наиболее подвержена действию отчуждения. Отчужденной формой творчества современной эпохи может быть названа креативность. Причиной тому является нацеленность на результат и, как следствие, обесценивание, отчуждение процесса творчества. В свою очередь, обесценивание процессуальности как важнейшей характеристики творчества, приводит к растворению индивида в информационном пространстве. В погоне за результатом, человек присваивает информацию, руководствуясь уже созданными схемами и шаблонами, если они дадут ему в конечном итоге продукт, пригодный к демонстрации и потреблению – движется по пути наименьшего сопротивления. И следствием такого неизбирательного номадического движения, скольжения по поверхности, становится новое восприятие процессуальности как предзаданного движения.

В отношении современной формы творчества возникает риск некоего «предвосхищения основания», проявляющегося в изначальной нацеленности на

результат, акцент на конечном продукте, а именно, на той форме, которую он примет, контексте, обстоятельствах, предполагаемой аудитории. В данном случае, момент новизны принимает новую окраску, мы думаем даже не о том, что создаём, а о том, для кого мы это создаём. Как следствие, продукт начинает зависеть от потребителя, и его создатель делает все возможное, чтобы избежать риска быть непонятым и непринятым потенциальной аудиторией. Такая ориентация на успех и страх неудачи обесценивают сам процесс творчества, превращая его в механизм воспроизводства успешных концептов.

Отчуждение творчества, таким образом, является следствием неспособности индивида перерабатывать усиливающийся поток информации теми средствами, которыми он пользовался раньше – доступность информации оборачивается ее обесцениванием. Следовательно, пока человек находится в отчужденном состоянии, он подменяет творчество креативностью и успешно функционирует в социуме в качестве поддерживающего заданный вектор движения элемента. Однако, как отмечает Р. Флорида, современный человек подвержен риску в гораздо большей степени, чем это было в предшествующую «организационную» эпоху, поскольку новые технологии, которые должны были стать вспомогательным средством, орудием для облегчения жизни человека, заполнили нашу жизнь, превратились в определяющую человека силу²¹⁷.

Креативность, как основополагающая способность личности, становится не просто механизмом встраивания в социальную структуру, но и движущей силой общественного развития: «Креативность стала ключевым фактором развития экономики и общества, и в этом истинная движущая сила всех процессов. Как в профессиональной, так и в других сферах жизни сегодня мы выше, чем раньше, ценим творческое начало и более активно способствуем его развитию. Творческий порыв (качество, отличающее человека от других биологических видов) охватил сейчас все в небывалых масштабах»²¹⁸.

²¹⁷ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2002. – С. 25.

²¹⁸ Там же. – С. 22.

Креативность как форма отчужденного творчества может трансформироваться ввиду новых потребностей общества, формируемых в виде очередного «вызова». В данном контексте, концепция общественного развития, предложенная А. Тойнби, в наибольшей степени отражает суть происходящих изменений. В концепции вызова-и-ответа движущей силой общественного развития выступает «ответ» который дается в обществе как реакция на определенный «вызов»: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию»²¹⁹.

Новый «вызов» общества заключен, по всей видимости, в возвращении процессуальности определяющего значения в творческой деятельности, т. к. нацеленность на результат оборачивается обесцениванием процесса. Как отмечает С. Моран, «в творчестве как выражении главное – это движение и момент, а не продукт, который можно поставить на постамент в качестве эталона»²²⁰. А. Тойнби приводит цитату из «Фауста» Гете о том, что «в начале было слово» нужно заменить на «в начале было дело»²²¹, и эта замена будет означать, в данном случае, «отчуждение отчуждения» – переход от креативности к творчеству на более высоком уровне. Такой переход возможен, на наш взгляд, в контексте обращения к понятию «деятельной жизни».

Идеал деятельной жизни восходит к гуманистическим представлениям эпохи итальянского Возрождения. Возрожденческое понятие досуга, «otium», означает такое время, когда человек занимается тем, чем хочет заниматься, а не тем, чего требуют внешние обязательства. Дихотомия otium – negotium раскрывается в противопоставлении призвания и профессии, свободного и вынужденного, возвышенного и обыденного. Однако в контексте гуманистической традиции антитезе труда и безделья противопоставляется

²¹⁹ Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – С. 108.

²²⁰ Moran S. The Roles of Creativity in Society / S. Moran // The Cambridge Handbook of Creativity. – New York.: Cambridge University Press, 2010. – P. 83.

²²¹ Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – С. 103.

различение двух видов досуга: подлинный *otium* – это не просто «досуг», а «труды в досуге» - «*in otio meo negotia*». Следует «время досуга проводить не досужно»²²². Эта концепция по сути определяет современный запрос на синтез креативности и творчества как новую модель деятельности человека на благо общества.

По итогам данного параграфа можно заключить следующее:

Во-первых, сопоставление категорий «креативность» и «творчество» становится необходимым в контексте информационного общества, поскольку именно современная стадия общественного развития создает условия для такого категориального разделения.

Во-вторых, разграничить данные понятия возможно по содержанию творческого и креативного процессов. Отличительной чертой современной креативности является прагматический элемент – изначальная установка на продукт, который будет наиболее эффективен.

В-третьих, возникший уклон в сторону прагматики может быть объяснен особенностями культуры, в рамках которой формируется ориентация на результат, а не на процесс творчества. Отчуждение, в данном случае, поддерживает процесс социального функционирования по заданным схемам и становится механизмом встраивания в социальную структуру.

В-четвертых, креативность как форма отчужденного творчества может трансформироваться ввиду новых потребностей общества, формируемых в виде очередного «вызова», который заключен в возвращении процессуальности определяющего значения в творческой деятельности.

В качестве общих выводов второй главы диссертационного исследования можно выделить следующие положения:

²²² Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л. М. Баткин. – М.: Наука, 1978. – С. 25.

1. Творческая деятельность представляет собой процесс, неотъемлемой частью которого является диалог, как имманентная основа творчества.
2. Взаимосвязь творчества и отчуждения в современном обществе выражается на уровне творческой самореализации, который включает самоидентификацию, коммуникацию и утверждение творчества как особого способа бытия человека.
3. Задачей творческого человека информационного общества является ответ на вызов эпохи, который заключается в выработке нового отношения к информации и механизмов ее освоения и возвращении процессуальности определяющего значения в творческой деятельности.
4. В контексте информационного общества можно говорить об «отчуждении отчуждения» – переходе от креативности к творчеству на более высоком уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента категориального оформления отчуждения разработка данной проблематики ведется в самых разных направлениях. В XX веке появляются многочисленные философские направления, предложившие новый подход в понимании специфики данного феномена. На первый план выходят социальные, психологические и личностные трактовки отчуждения, делается акцент на субъективном характере данного феномена. В настоящее время существует множество разнообразных подходов и интерпретаций отчуждения при отсутствии единства в его понимании.

Исследование отчуждения предполагает обращение к понятию социальной реальности, поскольку социальная реальность представляет собой как результат, так и систему человеческих взаимоотношений, а отчуждение является неотъемлемым атрибутом человеческого бытия. Таким образом, мы можем сделать вывод, что отчуждение, внедряясь в систему социального взаимодействия, меняет саму структуру социальных отношений, что делает его структурирующим элементом социальной реальности. В результате отчуждения в процессе социальной жизни возникают существенные изменения, связанные с самоидентификацией человека. Стоит отметить тот факт, что помимо негативной оценки, отчуждение способно оказывать и позитивное влияние, являясь одним из условий социального функционирования.

Проведенное исследование показало, что отчуждение является актуальным общественным феноменом, постоянно присутствующим в социальной жизни. В ходе исследования были решены поставленные задачи: исследован генезис концепта отчуждения в историко-философском процессе, проанализирован феномен отчуждения в контексте социальной реальности, проблематизирована целостность концепта отчуждения через обращение к анализу творческой деятельности, выявлена структура творческой деятельности, изучена взаимосвязь компонентов творческой деятельности и форм, которые принимает отчуждение, исследовано современное состояние проблемы отчуждения и взаимосвязь отчуждения и творчества в информационном обществе.

На наш взгляд, была достигнута основная цель данной работы – проанализированы различные формы отчуждения: отчуждение в правовой сфере, разрабатываемое Т. Гоббсом и Ж.-Ж. Руссо, отчуждение в историческом процессе (Г. Ф. В. Гегель), отчуждение в экономической сфере, выявленное К. Марксом; качественно новое понимание отчуждения как социального феномена, получившее развитие в философии Франкфуртской школы, и наконец, отчуждение творчества как способа бытия человека в социуме.

Помимо этого, была выявлена проблема отчуждения в процессе социальной коммуникации, возникшая в рамках концепции К. Маркса и являющаяся актуальной в настоящее время, и диалогическая природа творчества, указывающая на диалог, как неотъемлемую часть творческого процесса.

Наряду с основными формами отчуждения, были выявлены сущностные характеристики данного феномена. Нами была предпринята попытка показать взаимодействие категории отчуждения с сопредельными категориями своего, чужого, а также ее связь с проблемой самоидентификации человека в обществе, проявляющейся в усиливающейся тенденции восприятия человеком себя сквозь призму «другого» и зависимость от его оценивания этим «другим».

Данные рассуждения приводят к выводу о том, что отчуждение прочно вписалось в структуру современной реальности. Феномен отчуждения применим к концепции общества массового потребления, развиваемой в XX веке Ж. Бодрийяром, а также к различным концепциям, занимающимся проблемами диалога и социальной коммуникации в современном информационном обществе.

Философия диалога позволяет рассмотреть социальное отчуждение и найти возможность его преодоления в сфере социального взаимодействия индивидов. Диалог как особый вид коммуникации находит свое полноценное отражение в философии только в XX веке, наполняя социальное взаимодействие новым смыслом. Несмотря на видимую ограниченность концепций диалогизма уровнем индивидуального существования, их значение в контексте осмысления феномена отчуждения творчества велико. Диалог значим в рамках данного исследования

уже тем, что, являясь основой творческой деятельности, диалогическое отношение к миру способствует преодолению отчуждения в творчестве.

Выявив интегральную целостность феномена отчуждения через обращение к творческой деятельности, мы установили взаимосвязь форм отчуждения и компонентов творчества, что позволило выстроить целостную теорию отчуждения, объединившую предшествующую традицию в исследовании данного феномена и новую трактовку отчуждения как отчуждения творчества. Благодаря созданной теории, отчуждение встраивается в структуру творческой деятельности, наделяясь сигнализирующей функцией, с помощью которой мы осознаем необходимость создания новой методологии творческого мышления, которая бы соответствовала меняющимся условиям информационного общества.

Поскольку творчество не замыкается рамками философии или любой частной науки, важным итогом данной работы является определение творчества как процессуальности, как особого способа бытия человека в мире. Подобная генерализация позволяет исследовать механизм разворачивания процесса творчества в пространстве социального вне зависимости от конкретных форм его воплощения.

В качестве одного из главных выводов данного исследования необходимо сказать о положительных для человека аспектах отчуждения творчества. То, что становится для нас проблемой, что заставляет человека осмысливать сам факт своего существования, в любом случае оказывает позитивное воздействие. Ведь как иначе человек, включенный в такое количество структур и отношений, которое продуцирует современная эпоха, может осознать неподлинность собственного существования, как не в результате того влияния, которое оказывает на него процесс отчуждения творчества? Это своего рода сигнал, призыв к действию, заставляющий в какой-то момент перестать довольствоваться продуктом, получаемым в результате деятельности, которую мы считаем творческой.

Речь идет о целом поколении, воспитанном в условиях информационной эпохи. И этому поколению нужно заново научиться мыслить. Мыслить не

шаблонно, не поддаваться притягательности легких решений в виде готовых информационных блоков, которые нужно лишь немного изменить, чтобы присвоить. Это целое поколение, которое научено видеть лишь сегменты реальности, уже сформированные и упорядоченные.

Эпоха информации требует от индивида новых навыков, в которых ранее не было необходимости. И это требование не может быть проигнорировано, поскольку тогда мы столкнемся с забвением самой идеи свободного творчества, с неспособностью создать новое, поскольку само понятие нового перестанет быть актуальным. Феномен креативности, который возникает в контексте информационной эпохи, становится той формой отчужденного творчества, которая и является сигналом о необходимости изменений.

Для того чтобы культура развивалась, необходимо сохранить тот тип мышления, который стирается в процессах информатизации и виртуализации. И речь здесь не о возвращении назад, к традициям прошлого века, мы в любом случае не станем мыслить так, как мыслили люди индустриальной или любой другой эпохи. Напротив, человек информационного общества должен ответить на вызов, который ему бросает эпоха, и научиться взаимодействовать с огромным потоком информации, к которому он теперь имеет доступ. Поэтому, отчуждение творчества может быть названо сигналом, который должен указать человеку на необходимость какого-то ответного действия.

Рассмотрение отчуждения творчества как деятельности потому является первостепенной задачей для социально-философского исследования, что деятельность эта охватывает все социальное пространство. Специфика данной проблемы предполагает отход от строгого теоретизирования, присущего философскому дискурсу и фокусирование внимания на реальности как таковой, в ее конкретных для человека проявлениях.

Построение еще одной социальной теории не только не решит проблему, но, скорее, усугубит ее, поскольку отчуждение деятельности напрямую связано с методом, который используется для осмысления (в самом широком смысле) этой реальности. Любой продукт отчужденной деятельности будет безболезненно

включен, или даже поглощен, социумом без каких-либо результатов как для исследователя, так и для общества в целом.

В современную эпоху возникает необходимость преодолеть определенный способ мышления, который формируется у нового поколения, у тех, кто в будущем должен будет отвечать на вызовы эпохи. И отчуждение творчества является самым важным следствием этого трансформирующегося мышления. Этим обусловлена специфика данной работы и любой научной работы, цель которой – осмысление феномена отчуждения творчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова В. В. Проблема отчуждения в психологии / В. В. Абраменкова // Вопросы психологии, 1990. – №1. – С. 5-12.
2. Августин А. О граде Божьем / А. Августин. – М.: АСТ, 2000. – 1294 с.
3. Адорно Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно. – М.: Научный мир, 2003. – 376 с.
4. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Т. Адорно. – М.: Канон+, 2011. – 192 с.
5. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
6. Арндт Х. Массы и тоталитаризм / Х. Арндт // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. № 2. С. 24 – 31.
7. Аристотель. Политика / Аристотель // Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 376-644.
8. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 224 с.
9. Арсланов В. Г. Миф о смерти искусства / В. Г. Арсланов. – М.: Искусство, 1983. – 327 с.
10. Ахметзянова М. П. Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса / М. П. Ахметзянова // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки, 2018. – Вып. 48. – С. 62 - 65.
11. Балаш А. Н. Мартин Хайдеггер и спор о подлинности в культуре XX века / А. Н. Балаш // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – Том 18, Вып. 3. – С. 86-94.
12. Барановская М. В., Малкин В. М. «Капитализм и шизофрения», и киберпространство / М. В. Барановская, В. М. Малкин // Перспективы науки и образования, 2015. – №6(18). – С. 67-71.
13. Батеженко В. В. Феномен творчества: опыт философско-методологического анализа / В. В. Батеженко // Вестник ОГУ, 2011. – №11 (130). – С. 132-138.

14. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – СПб.: Рус. Христ. гуманитар. ин-т, 1997. – 463 с.
15. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М., 1969. – С. 73-145.
16. Батищев Г. С. Мирозренческие предпосылки и смысл проблематики отчуждения / Г. С. Батищев // Сб.: Отчуждение как социокультурный феномен. Киев, 1991. – С. 27-35.
17. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л. М. Баткин. – М.: Наука, 1978 – 198 с.
18. Бахитов С. Б. Коммунальное отчуждение труда и творчество / С. Б. Бахитов // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. – Вып. №2 (62), Т. 6. – С. 182-186.
19. Бахтин М. М. Человек в мире слова / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 139 с.
20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Академия, 1999. – 956 с.
21. Белова Т. В. Социальный и индивидуальный уровни отчуждения / Т. В. Белова // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия, 1991. – № 2. – С.25-34.
22. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
23. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1993. – 383 с.
24. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. пр. / Н. А. Бердяев. – М.: МПСИ: Флинта, 1999. – 310 с.
25. Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Мн.: Экономпресс, 2000. – 301 с.
26. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 607 с.

27. Бескова И. А. Как возможно творческое мышление? / И. А. Бескова. – М.: ИФРАН, 1993. – 196 с.
28. Беспалов А. И. Отчуждение деятельности как философская проблема: автореф. дис. на соиск. уч. степ, канд. филос. наук / А. И. Беспалов. – М., 2004. – 29 с.
29. Билибенко А. В. Эпистемология болезни Мишеля Фуко: безумие как истина человека / А. В. Билибенко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013. – С. 30-37.
30. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 95 с.
31. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
32. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
33. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: РУДОМИНО, 1999. – 218 с.
34. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. – 347 с.
35. Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.) / Л. М. Брагина. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 303 с.
36. Брыгалина Ю. И. Современное общество в эпоху Интернета: проблема виртуализации / Ю. И. Брыгалина // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 369-395.
37. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt> (дата обращения 02.02.2016).
38. Бубер М. Проблема человека. Перспективы. / М. Бубер // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 88 – 98.
39. Бузгалин А. В. «Постиндустриальное общество» тупиковая ветвь социального развития? / А. В. Бузгалин // Вопросы философии, 2002. – № 5. – С. 26-43.

40. Бузгалин А. В. По ту сторону отчуждения / А. В. Бузгалин. – М, 1990. – 296 с.
41. Буш Г. Я. Диалогика и творчество / Г. Я. Буш. – Рига, 1985. – 238 с.
42. Буш Г. Я. Проблемология эвристики: Материалы к респ. семинару «Эврилогия и эвристика» (Рига, 28 дек. 1989 г.) / Г. Я. Буш. – Рига: Ин-т философии и права, 1989. – 77 с.
43. Веряев А. А. К проблеме отчуждения человека в информационном обществе / А. А. Веряев // Образование и наука на пороге третьего тысячелетия: сб. материалов науч.-практ. конф., 29-30 апр. 1999 г. Барнаул, 1999. – Ч. 1. – С. 38-44.
44. Ветров С. А. Отчуждение в трансформируемом обществе: автореф. дис. канд. филос. наук / С. А. Ветров. – Омск, 1995. – 22 с.
45. Викторов Э. М. Феномен отчуждения. / Э. М. Викторов // Философские исследования. 2001. – № 2. – С. 201-211.
46. Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы / О. А. Власова. – М.: Территория будущего, 2010. – 638 с.
47. Воробей Ю. Д. Диалектика художественного творчества / Ю. Д. Воробей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 176 с.
48. Воронцов Б. И. Отчуждение как бытийственная характеристика человеческого существования / Б. И. Воронцов // Философская антропология: истоки, современное состояние и перспективы. Сб. тезисов. – М., 1995. – С. 191-193.
49. Галактионов И. В. Психология творческой деятельности: структура, этапы, механизмы, методы исследования / И. В. Галактионов. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 124 с.
50. Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа / Г. Ф. В. Гегель. – URL: http://royallib.com/book/gegel_georg/fenomenologiya_duha.html (дата обращения 25.04.2015).

51. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1977. – 471 с.
52. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://royallib.com/read/tomas_gobbs/leviafan_ili_materiya_forma_i_vlast_gosudarstva_tserkovnogo_i_gragdanskogo.html (дата обращения 20.04.2015).
53. Горозия В. Е. Сущность отчуждения и основные формы его проявления в условиях НТР: автореф. дис. канд. филос. наук / В. Е. Горозия. – Тбилиси, 1984. – 27 с.
54. Гостищев А. К. К вопросу о перманентности отчуждения / А. К. Гостищев // Отчуждение как социокультурный феномен: тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. – Киев, 1991. – С. 35-41.
55. Давлетшин З. К. Отчуждение в структуре целеполагания постиндустриального общества / З. К. Давлетшин // Учебные записки Казанского государственного университета, 2008. – Т. 150. – Кн.4. – С. 50-55.
56. Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение / Д. А. Давыдов // Человек. – Российская академия наук, 2019. – Вып. №1 (30). – С. 45-65.
57. Даренский В. Ю. Философско-антропологическая концепция Г. С. Батищева / В. Ю. Даренский // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2017. – Т. 17, вып. 2. – С. 135-140.
58. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф.Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
59. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
60. Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
61. Дроздов В. В. Философский анализ структуры отчуждения и «механизмов» его функционирования: автореф. дис. канд. филос. наук / В. В. Дроздов. – Магнитогорск, 2004. – 21 с.

62. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. – СПб.: Алетейя, 2010. – 672 с.
63. Дьяков А. В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше / А. В. Дьяков // Хора, 2007. – № 1-2. – С. 61-68.
64. Егорова А. В. Формы отчуждения в постиндустриальном обществе на современном этапе его развития / А. В. Егорова // Вестник Ярославского государственного университета, 2008. – № 10. – С. 81-87.
65. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2016. – №3(23). – С. 86 - 97.
66. Завьялов В. Д. Проблема экономического отчуждения в анализе производственных отношений / В. Д. Завьялов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1990. – 142 с.
67. Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 510-526.
68. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2009. – 444 с.
69. Интыгмакова Л. Г. Персонализм: личность как первичная творческая реальность / Л. Г. Интыгмакова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова, 2014. – С. 292-296.
70. Кальней М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе / М. С. Кальней // Экономические и социально-гуманитарные исследования, 2017. – №4 (16). – С. 36-41.
71. Камю А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1999. – 415 с.
72. Камю А. Творчество и свобода / А. Камю. – М.: Радуга, 1990. – 608 с.
73. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
74. Киселев Г. С. Человек, культура, цивилизация на пороге III тысячелетия / Г. С. Киселев. – М.: Наука, 1999. – 87 с.

75. Колбин Д. А. Бытие социального на границе в конструктах «Свое» и «чужое» / Д. А. Колбин // Вестник Удмурдского университета. 2005. – №2. – С. 153-160.
76. Колосницын В. И. Религиозное отчуждение / В. И. Колосницын. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1987. – 180 с.
77. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон. – М.: Республика, 2004. – 542 с.
78. Кравченко А. И. Концепция отчуждения Эриха Фромма / А. И. Кравченко // Научные Ведомости. Серия Философия. Социология. Право, 2018. – Т. 43, №1. – С. 46-52.
79. Краснов А. С. Диада «идентичность – отчуждение» в синтагме К. Маркса: история и современность / А. С. Краснов // Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2013. – Т. 13, Вып. 3. – С. 26-29.
80. Лагутин С. Г. Социально-философская и методологическая ценность категории отчуждения: автореф. дис. канд. филос. наук / С. Г. Лагутин. – Волгоград, 1998. – 20 с.
81. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высш. Религ.-филос. школа, 1998. – 264 с.
82. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – М.: СПб.: Университетская книга. – 2000. – 416 с.
83. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода / Э. Левинас. – М.: РОССПЭН, 2004. – 750 с.
84. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 352 с.
85. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1982. – 623 с.
86. Лукач Г. История и классовое сознание / Г. Лукач. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 416 с.
87. Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – М.: Изд-во «Логос», 2007. – 360 с.

88. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно проверять современное общество / Н. Луман // Социология на пороге XXI века. – М., 1999. – С.137-145.
89. Луман Н. Понятие общества / Н. Луман // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969> (дата обращения 20.01.2016).
90. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954> (дата обращения 22.01.2016).
91. Любарт Т. Психология креативности / Т. Любарт. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 215 с.
92. Ляхова Я. Ю. Социально-философский аспект отчуждения профессиональной деятельности / Я. Ю. Ляхова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015. – №1. – С. 67-71.
93. Мангель А. Любопытство / А. Мангель. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. – 469 с.
94. Маркович М. Маркс об отчуждении / М. Маркович // Вопросы философии. 1989. – № 9. – С. 36-51.
95. Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 1. – 891 с.
96. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 42. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 41-174.
97. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: REFL – book, 1994. – 368 с.
98. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – Киев, 1995. – 352 с.
99. Медведев Н. В., Бородуля А. А. Философия в информационном обществе / Н. В. Медведев, А. А. Бородуля // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Общественные науки. – Тамбов, 2018. – Т. 4, № 14. – С. 5-11.

100. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.
101. Мороз В. В. Обзор зарубежных теорий креативности / В. В. Мороз // Вестник Оренбургского государственного университета, 2016. - №12 (200). – С. 35-41.
102. Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – М.: Респ., 1999. – 553 с.
103. Напсо М. Д. Аномия как социальный феномен / М. Д. Напсо // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2017. – № 3 (47). – С. 65-70.
104. Нарский И. С. Об историко-философском развитии понятия «отчуждения» / И. С. Нарский // Философские науки, 1963. – № 4. – С. 97-106.
105. Нарский И. С. Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса / И. С. Нарский. – М.: Мысль, 1983. – 144 с.
106. Немчинова А. Л. Креативная сущность диалога / А. Л. Немчинова // Вестник АГТУ. – Астрахань, 2013. – №1 (55). – С. 71 - 78.
107. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. – СПб.: Азбука, 2012. – 208 с.
108. Ницше Ф. Странник и его тень / Ф. Ницше. – СПб. : Азбука, 2011. – 224 с.
109. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.: Эксмо, 2010. – 848 с.
110. Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина; под общ. ред. А. П. Яреценко. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2005. – 672 с.
111. Новейший философский словарь // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1202/ (дата обращения 01.12.2016).
112. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. ред. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
113. Новиков А. С. Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» / А. С. Новиков // Теория и история. – 2009. – № 2 (16). – С. 192-197.

114. Новиков Б. В. Отчуждение как философская проблема / Б. В. Новиков. – URL: <http://www.proza.ru/2011/02/02/714> (дата обращения 26.04.2015).
115. Орнатская Л. А., Лузина Т. И. Идея духовности в философском персонализме: М. Шелер, Н. Бердяев, Э. Мунье / Л. А. Орнатская, Т. И. Лузина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2014. – С. 121-132.
116. Печерских Н. А. Отчуждение как феномен коллективности / Н. А. Печерских // Вопросы философии. 2003. – № 5. – С. 30-43.
117. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-ти тт. – М., 1992. – Т. 1. – С. 506-514.
118. Платон. Государство. Кн.4 / Платон // Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 35-382.
119. Платон. Тимей / Платон // Собр. соч. в 4 – х тт. – М.: Мысль, 1994. – Т.3. – С.421-501.
120. Платон. Избранные диалоги / Платон. – М.: Эксмо, 2013. – 768 с.
121. Плотин. Эннеады / Плотин. – Киев.: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. – 390 с.
122. Поляков Д. Б. Личность в анархо-индивидуалистической интерпретации М. Штирнера / Д. Б. Поляков // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2013. – С. 21-24.
123. Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев. – М.; Воронеж: Модэк, 1999. – 480 с.
124. Пономарев Я. А., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексия в развитии творческого мышления / Я. А. Пономарев, И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Психологический журнал, 1986. – Т. 7., № 6. – С. 158 –159
125. Православский С. С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе.: автореф. дис. канд. филос. наук / С. С. Православский. – Воронеж. – 2015. – 17 с.

126. Прозоров Ю. А. Феномен отчуждения как объект социологического исследования: автореф. дис. канд. соц. наук / Ю. А. Прозоров. – М., 1991. – 22 с.
127. Пушкин В. Н. Эвристика - наука о творческом мышлении / В. Н. Пушкин. – Москва: Политиздат, 1967. – 271 с.
128. Рибо Т. Творческое воображение / Т. Рибо. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлихъ, 1901. – 327с.
129. Розет И. М. Что такое эвристика / И. М. Розет. – Мн.: Нар. асвета, 1969. – 119 с.
130. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 20.04.2015).
131. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
132. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М, 1989. – С. 319-345.
133. Серкова В. А. Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра / В. А. Серкова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2017. – Т. 8, №1. – С. 92-98.
134. Семенов И. Н. Рефлексивная психология творчества: концепции, экспериментатика, практика // И. Н. Семенов // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2005. – Т. 2, №4. – С. 65-73.
135. Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 729 с.
136. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.
137. Стариков Е. Н. Общество – казарма : От фараонов до наших дней / Е. Н. Стариков. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996 . – 419 с.
138. Суворов С. А. Отчуждение как возможный этап развития личности: автореф. дис. канд. социол. наук / С. А. Суворов. – Тамбов, 2008. – 22 с.

139. Сурова Е. Э. Европейец «отчужденный» / Е. Э. Сурова. – СПб.: Издательство СПб университета, 2004. – 280 с.
140. Творчество : от биологических оснований к социальным и культурным феноменам // Под ред. Д. В. Ушакова. – Москва: Институт психологии РАН, 2011. – 736 с.
141. Тимченко Л. Л. Отчуждение в современном обществе.: автореф. дис. канд. филос. наук / Л. Л. Тимченко. – Барнаул, 2010. – URL: <http://cheloveknauka.com/otchuzhdenie-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения 10.04.2015).
142. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
143. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
144. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
145. Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 716 с.
146. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
147. Фарман И. П. Воображение в структуре познания / И. П. Фарман. – М.: ИФРАН, 1994. – 215 с.
148. Фейербах Л. Сущность христианства / Л. Фейербах // Избранные философские произведения в 2-х тт. – М., 1995. – Т. 2. – С. 7-405.
149. Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону / А.-Ж. Фестюжьер. – СПб.: Наука, 2009. – 497 с.
150. Франк С. Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему / С. Л. Франк // URL: <http://www.vehi.net/frank/etika.html> (дата обращения 05.01.2017).
151. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – С. 395-402.
152. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 256 с.
153. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М., 1995. – С. 273-596.
154. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.

155. Фромм Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм. – М.: АСТ, 1998. – 509 с.
156. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. – М.: Айрис – пресс, 2005. – 352 с.
157. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко – М.: Магистериум–Касталь, 1996. – 447 с.
158. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.
159. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2004. – 432 с.
160. Фуко М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. – 316 с.
161. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2002. – 421 с.
162. Хабермас Ю. Модерн «незавершенный проект» / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-54.
163. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб: Наука, 2000. – 380 с.
164. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
165. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2005. – 526 с.
166. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
167. Харламов А. В. Социальное отчуждение и социальная коммуникация (коллизии и противоречия духовной культуры) / А. В. Харламов // Общество и коммуникация. – Новосибирск, 2003. – С. 23-29.
168. Харламов А. В. Социальное отчуждение в информационном взаимодействии: автореф. дис. канд. филос. наук / А. В. Харламов. – Кемерово, 2007. – 19 с.

169. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М – СПб.: Медиум – Ювента, 1997. – 312 с.
170. Чекушкина Е. Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества / Е. Н. Чекушкина // Теория и практика общественного развития, 2014. - №1. – С. 25-27.
171. Черняк Н. А. Аутентичное существование и его гаранты / Н. А. Черняк // Вестник Омского университета, 2010. – № 2. – С. 135–147.
172. Шайхитдинова С. К. Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения Текст. / С. К. Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2004. – 306 с.
173. Шамаева Р. М. Феномен креативности в контексте культуры / Р. М. Шамаева // Международный журнал исследований культуры, 2015. – №4(17). – С. 95-106.
174. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
175. Шетулова Е. Д. Социальная революция как форма отчуждения / Е. Д. Шетулова // Вестник Челябинского государственного университета. –2009. № 18 (156). – Философия. Социология. Культурология. – Вып. 12. – С. 47-52.
176. Шкарубо С. Н. Сущность отчуждения деятельности: социально-философский анализ.: автореф. дис. канд. филос. наук / С. Н. Шкарубо. – М., 1998. – 19 с.
177. Шугуров М. В. Онтологические основания отчуждения как феномена культуры / М. В. Шугуров // Человек в социокультурном мире. Саратов: СГУ, 1995. – С. 15-16.
178. Шугуров М. В. Человек в опыте отчуждения: герменевтико-феноменологический подход: автореф. дис. док. филос. наук / М. В. Шугуров. – Саратов, 2000. – 36 с.

179. Шумилин А. Т. Проблемы теории творчества / А. Т. Шумилин. – М.: Высш. шк., 1989. – 141 с.
180. Эвола Ю. Абстрактное искусство / Ю. Эвола. – М.: Евразийское движение, 2012. – 176 с.
181. Энгельмейер П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – М.: URSS, 2007. – 203 с.
182. Эпистемология креативности // Князева Е. Н. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 520 с.
183. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.
184. Эриксон К. Труд и отчуждение / К. Эриксон // Социологические исследования, 1988. – № 3. – С. 123-128.
185. Якобсон П. М. Процесс творческой работы изобретателя / П. М. Якобсон. – М.; Ленинград: Изд-во ЦС Всес. о-ва изобретателей, 1934. – 135 с.
186. Яковлев В. А. Диалектика творческого процесса в науке / В. А. Яковлев. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 127 с.
187. Baudrillard J. The Ecstasy of Communication / J. Baudrillard // The Anti-Aesthetic essays on Postmodern culture. – Port Townsend, Washington : Bay Press, 1983. – pp. 126 - 134.
188. Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms / M. Boden. – New York: Routledge, 2004. – 344 p.
189. Ellul J. The technological system / J. Ellul. – New York: The Continuum Publishing Corporation, 1980. – 328 p.
190. Gaut B. Creativity and Imagination / B. Gaut // The Creation of Art: New Essays in Philosophical Aesthetics. – Cambridge: Cambridge UP, 2003. – pp. 73-148.
191. Gaut B. The philosophy of creativity / B. Gaut // Philosophy Compass. – 5/12 (2010). – pp. 1034-1046.
192. Geyer R. F. Alienation theories / R. F. Geyer. – Oxford: Oxford etc., 1980. – 201 p.

193. Guilford Y. P. The nature of human intelligence / Y. P. Guilford. – New York. : Mc-Graw Hill, 1967. – 538 p.
194. Jaeggy R. Alienation. New directions in critical theory / R. Jaeggy. – New York: Columbia University Press, 2014. – 129 p.
195. Koestler A. The Act of Creation / A. Koestler. – Last Century Media, 2014. – 752 p.
196. Levinas E. Otherwise than being or beyond essence / E. Levinas. – The Netherlands.: Kluwer Academic Publishers, 1991. – 200 p.
197. Moran S. The Roles of Creativity in Society / S. Moran // The Cambridge Handbook of Creativity. – New York: Cambridge University Press, 2010. – pp. 74-90.
198. Perspectives in creativity // Edited by Irving A. Taylor and J. W. Getzels. – Routledge, 2017. – 353 p.
199. Sternberg R. J. The nature of Creativity / R. J. Sternberg // Creativity Research Journal, 2006. – Vol. 18, No. 1. – pp. 87-98.
200. The Cambridge Handbook of Creativity // Edited by James C. Kaufman, Robert J. Sternberg. – USA: Cambridge University Press, 2010. – 489 p.